

ВИВЬЕН
НУАР

Серия «Время для счастья»



ВСЁ УСПЕЛА. ОСТАЛОСЬ ПОЖИТЬ



Желание — единственное,
что нельзя делегировать

Вивьен Нуар

Всё успела. Осталось пожить

Серия «Время для счастья», книга 1

<https://litres.ru/74537728>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чего вы хотите? Не для детей. Не для внуков. Не «чтобы все были здоровы». Для себя.

Если вы задумались дольше, чем на секунду, эта книга про вас. Марине пятьдесят восемь. Её компания кормит полстраны, дочь выросла, день расписан по минутам. Она всё успела, а на этот простой вопрос ответить не смогла. Тогда Марина сделала то, что умеет: открыла клуб «Хочу хотеть» для тех, про кого все решили, что с ними уже ничего не произойдёт. И вместе с шестью очень разными участницами проверяет, правда ли после пятидесяти пяти поздно.

Влюбляться. Менять города. Лепить из глины. Ухаживать. Начинать.

Есть только одна сложность: из всего на свете делегировать нельзя только желание.

Содержание

Глава 1. Идеальное утро	4
Глава 2. Дело Алины	14
Глава 3. Семейный ужин	23
Глава 4. Женщина, которая победила	33
Глава 5. «Со мной уже ничего не произойдёт»	42
Глава 6. Клуб	51
Глава 7. Первый вечер	60
Глава 8. Пять желаний и одно молчание	69
Глава 9. Клуб становится успешным	77
Глава 10. Руки в глине	85
Глава 11. Я тоже попробую	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Всё успела.

Осталось пожить

Глава 1. Идеальное утро

Марина проснулась в пять тридцать девять, за минуту до будильника.

Будильника у неё не было лет двадцать. Организм давно понял расписание и больше не спрашивал.

Она полежала ровно столько, сколько нужно, чтобы разложить день. Рейс в Казань в девять пятьдесят. Переговоры в час. Обратный — в семь. Между ними одиннадцать пунктов, ни одного лишнего.

Хороший день. Плотный.

Внизу пахло кофе. Галина Петровна накрыла завтрак как обычно: омлет из двух белков, половина грейпфрута, чёрный кофе и свежая газета. Газету в доме не читал никто, но Марина считала, что на столе у серьёзного человека она должна лежать. Газета лежала, как в приёмной стоит фикус.

— Доброе утро, Марина Викторовна. Сергей Николаевич звонил. Просил передать, что не срочно.

— Значит, срочно, — сказала Марина и взяла телефон.

Сергей не ответил. Это было на него не похоже, и Марина отметила это так же, как отмечала падение продаж в Самаре:

без паники, но с пометкой на полях.

Галина Петровна поставила рядом с чашкой бумажный пакет.

— Пирожки с капустой. В дорогу.

— Спасибо, Галина Петровна, я в дороге не ем.

— Знаю, — сказала Галина Петровна. — Толику отдадите.

Пирожки Галина Петровна пекла дома по воскресеньям и по понедельникам приносила в пакете из-под хлеба. Марина за семь лет так и не научилась отказываться. Толик за это время поправился на девять килограммов и считал Галину Петровну святой.

В прихожей Марина задержалась у зеркала. Тёмно-синий костюм, туфли на среднем каблуке, короткая стрижка, седины у висков, которую она не закрашивала из принципа. Принцип был простой: если мужчине с сединой доверяют большие контракты, то и ей доверят. Пока доверяли.

Очки для чтения она убрала поглубже в сумку. Очки были из другого принципа: их никто не должен видеть.

Дом был большой, светлый и правильный. Двенадцать лет назад архитектор называл это «светом и воздухом». Света и воздуха получилось много. Людей — мало. На огромной кухне готовила Галина Петровна; сама Марина включала там кофемашину и иногда свет.

Толик уже стоял у ворот. Он всегда приезжал на десять минут раньше, потому что однажды, девять лет назад, прие-

хал на две минуты позже. Марина тогда ничего не сказала. Толик запомнил на всю жизнь.

— Шереметьево? — спросил он, хотя знал.

— Да. И не через Ленинградку, там с утра стоят.

— Уже объезжаю, Марина Викторовна.

Толик включил радио, негромко. Он любил старые песни и делал вид, что Марина не замечает. Марина замечала. Иногда шевелила губами на припеве, и тогда уже Толик делал вид, что не заметил.

Сообщение от Сергея пришло, когда они выехали на трассу.

«Видела письмо от сети? Не дёргайся. Я с ними на связи, к обеду предложу вариант».

Марина открыла письмо. Федеральная сеть, через которую продавалась почти треть «Марусиной кухни», вежливо сообщала: с первого октября закупочная цена на всю линейку снижается на двенадцать процентов. В противном случае продукция будет выведена из ассортимента в тридцати двух регионах. С уважением.

Марина перечитала «с уважением» дважды. Ей всегда нравилось, как люди ставят это слово в конце писем, после которых хочется кого-нибудь уволить.

«Какой вариант?» — написала она.

«Мягкий», — ответил Сергей.

«Позвоню из зала».

* * *

В бизнес-зале было тихо и дорого. Мужчины в одинаковых пиджаках смотрели в одинаковые ноутбуки. Над баром висел телевизор, и там, между прогнозом погоды и новостями, как раз шла реклама.

Уютная кухня. Окно с геранью. Круглолицая бабушка в фартуке помешивала что-то в кастрюле половником и подмигивала зрителю.

— «Марусина кухня», — сказал ласковый голос. — Как дома. Только быстрее.

Бабушку Марусу придумали двадцать лет назад в маленьком агентстве на Бауманской. Художница спросила, откуда название, и Марина честно ответила: мама в детстве звала её Марусей. Художница умилилась и нарисовала то, что нарисовала. Марина не стала спорить. Бабушка продавала.

Настоящая Маруся сидела в кресле у окна, в сером костюме, с чёрным кофе, и не варила пельмени лет пятнадцать. Своих — тем более.

Мужчина за соседним столиком посмотрел на экран, потом на Марину, потом снова на экран. Бабушка с половником и женщина в сером костюме в одну картинку не сложились. Он вернулся к ноутбуку.

Она набрала Сергея. На этот раз он ответил сразу.

— Слушаю.

— Двенадцать процентов, — сказала Марина.

— Двенадцать процентов, — согласился Сергей.

— И какой у тебя мягкий вариант?

Сергей рассказал. Он всегда говорил медленно, будто экономил слова на старость. Четыре процента, но только на две самые ходовые позиции. Совместная новогодняя акция за счёт их маркетингового бюджета. Встреча с категорийным менеджером на следующей неделе. Сеть уступит. Им тоже не хочется перед праздниками искать, чем заставить сорок метров полки.

— Недели три переписки, — сказал он. — Но уступят.

Марина слушала и смотрела, как на экране бабушка Маруся раскладывает пельмени по тарелкам. Пельмени были нарисованные, но всё равно выглядели аппетитнее настоящих.

Вариант был хороший. Разумный. Взрослый.

— Хороший вариант, — сказала она. — Серёжа, ты же знаешь, я тебе полностью доверяю.

В трубке помолчали. Сергей тоже знал, что бывает после этой фразы.

— Дай мне прямой номер Гордеева, — сказала Марина.

— Марин.

— Номер.

Номер пришёл через десять секунд. Без комментария. Сергей умел молчать даже в переписке.

Коммерческий директор сети взял трубку со второго гудка и сразу заговорил тоном человека, которого застали в пижамах.

— Марина Викторовна, какими судьбами, я как раз соби-

рался вам...

— Игорь Павлович, доброе утро, — сказала Марина. — Я коротко, у меня посадка. Лечу в Казань. Вы знаете, к кому.

Он знал. В Казани у сети был конкурент, которого сеть не любила так, как не любят бывших жён.

Марина не спорила о процентах. Проценты — разговор для людей, у которых много свободного времени. Она сказала, что к Новому году у «Марусиной кухни» выходит новая линейка, и сеть может получить её первой, эксклюзивно на два месяца. По старой цене. Или не получить ничего. Если письмо не отзовут до полудня, она сама уберёт продукцию из всех тридцати двух регионов, не дожидаясь, пока это сделают за неё.

— Сорок метров пустой полки в декабре, — сказала она. — Заполнять будете тем, чего ваш покупатель не знает. Я бы на вашем месте не рисковала. Но я не на вашем месте.

Гордеев засмеялся. Смех вышел неуверенный, как у человека, который не понял, пошутили с ним или нет.

— Марина Викторовна, ну зачем так резко. Произошло недоразумение. Юристы перестраховались, я разберусь.

— Разберитесь до двенадцати, — сказала Марина. — Хорошего дня.

Она посмотрела на часы. Семь минут.

«Письмо отзовут, — написала она Сергею. — Новая линейка у них эксклюзивом на два месяца, по старой цене. Скидок нет».

«Понял», — ответил Сергей.

Через минуту пришло второе сообщение:

«Можно было и за три недели».

«Можно, — написала Марина. — А зачем?»

Сергей не ответил.

* * *

Посадку объявили вовремя. Марина прошла в самолёт одной из первых, села у окна и пристегнулась раньше, чем стюардесса успела улыбнуться.

Она всегда садилась у окна. Если что-то случится, она хотела это видеть. Кто-то должен контролировать ситуацию, даже если ситуация на высоте десяти тысяч метров.

— Томатный сок, пожалуйста, — сказала она.

— После взлёта, — ласково сказала стюардесса.

— Сейчас, — сказала Марина.

Сок принесли сейчас.

Томатный сок был ритуалом. Марина не знала, помогает ли он, но за все годы перелётов ни один самолёт с её томатным соком не упал. Статистика есть статистика.

Про страх не знал никто. Ни Сергей, ни Алина, ни Толик, ни женщины из финансового отдела, уверенные, что Марина Викторовна не боится вообще ничего, включая налоговую. Триста с лишним раз она поднималась в воздух с одним и тем же чувством: сейчас всё закончится. Потом выходила в очередной аэропорт и ехала на совещание. Поезд до Казани шёл всю ночь, а ночь у Марины всегда была уже чем-то за-

нята.

Самолёт разбежался. Марина улыбнулась соседу, молодому человеку в худи, той улыбкой, какой на переговорах улыбаются перед отказом, и незаметно взялась за подлокотник.

Молодой человек её улыбки не увидел. Он уснул ещё до того, как закрыли дверь. Марина смотрела на него с чувством, очень похожим на зависть: рюкзак, наушники и полное доверие к гражданской авиации.

Земля ушла вниз. Где-то внутри Марины тоже что-то ушло вниз и осталось там до набора высоты.

Марина начала считать. Когда-то она прочитала, что самые опасные — первые девяносто секунд после взлёта. Правда ли это, не проверяла. На сорока семи самолёт заложил вираж. Марина начала заново.

Тряхнуло. Раз, другой.

Марина знала цифры: самолёт безопаснее дороги в аэропорт, даже если за рулём Толик. Цифры были правильные. Не помогали.

Когда самолёт выровнялся, она заставила себя посмотреть в окно.

Внизу, в разрыве облаков, лежали поля, перелески и серая лента шоссе. Рядом, по тонкой нитке рельсов, полз длинный зелёный поезд. Отсюда казалось, что он не едет, а стоит и о чём-то думает.

Поезд нельзя поторопить. Его можно только дожидаться и ехать.

Марина ясно представила купе, чай в железном подстаканнике, ложечку, звенящую на стыках. За окном те же поля, только близко. Телефон не ловит. Ехать одиннадцать часов и ничего не решать: главное уже решено — ты едешь.

Непозволительная роскошь. Одиннадцать часов ничего не решать.

Поезд уполз под облако. Марина допила сок.

* * *

Над Казанью снова трясло. Марина держалась за подлокотник так, будто лично управляла посадкой, а экипажу доверяла не до конца. Сосед проснулся, потянулся и сказал:

— О, уже прилетели?

— Почти, — сказала Марина и улыбнулась, не разжимая зубов.

Колёса ударились о полосу. Самолёт загудел и начал сбавлять скорость. Марина разжала пальцы. На кожаном подлокотнике остались вмятины, и она аккуратно их разгладила, как разглаживают скатерть после гостей.

Телефон, включившись, завибрировал без остановки. Двадцать шесть писем. Одиннадцать сообщений. Три пропущенных от Гордеева и одно короткое сообщение от него же: «Письмо отозвано. Недоразумение. Ждём новую линейку». Марина переслала его Сергею без комментария. Сергей тоже умел читать молчание.

Среди писем было одно с незнакомого адреса. Тема: «Конфиденциально. Для Марины Викторовны лично».

Марина открыла его, пока самолёт рулил к терминалу.

«Уважаемая Марина Викторовна. От имени совета директоров холдинга выражаем искреннее восхищение тем, что вам удалось построить за двадцать пять лет. Хотели бы обсудить с вами возможность приобретения...»

Дальше Марина читать не стала.

Она нажала «Ответить» и напечатала два слова: «Не продаётся».

Отправила. Убрала телефон в сумку. Встала первой, как только погасло табло.

На второй странице письма стояла цифра. Марина её так и не увидела.

Глава 2. Дело Алины

Марина пришла на семь минут раньше и сразу поняла, что это ошибка.

Дверь в бывшую часовую мастерскую была открыта. Изнутри доносились звуки последних семи минут до гостей: что-то падает, кто-то говорит «ничего, ничего», все бегают.

— Мам? — Алина выглянула из-за стеллажа с бокалами. Заколка у неё съехала на ухо. — Ты рано.

— Я вовремя, — сказала Марина. — Это вы поздно.

Она сказала это в шутку. Алина не засмеялась, поправила заколку, и Марина поняла: опять не попала. С дочерью у неё часто так — слова вылетали нормальные, а приземлялись колючими.

— Садись куда хочешь, — сказала Алина. — Только не на третье место слева, там у Лизы карточки.

Марина села. Потом встала и переставила бокалы на стеллаже: они стояли не по росту.

— Мам, — сказала Алина, не оборачиваясь. — Они стоят как надо.

— Я вижу, — сказала Марина и поставила последний бокал на место. По росту.

Помещение было маленькое и узкое, с кирпичными стенами и одним длинным столом. Двенадцать стульев, все разные: венский, школьный, плетёный и один явно с чьей-то

дачи. Над столом на проводах висели голые лампочки. На меловой доске у входа Алининым почерком было написано: «Двенадцать стульев. Вечер девятнадцатый. Осень в сыре».

— Почему «Двенадцать стульев»? — спросила Марина в прошлом году, когда Алина только начинала.

— Потому что двенадцать стульев, мам, — ответила Алина.

Марина тогда решила, что название слабое и его придётся менять. Теперь на вечера записывались за месяц.

Лиза ходила вдоль стола и раскладывала карточки с именами, сверяясь со списком в телефоне Максима. Увидела бабушку, помахала и тут же вернулась к делу. Дело было важное.

Марина взяла из стопки несколько карточек, чтобы помочь.

— Бабушка, не так, — сказала Лиза, забирая их обратно. — Эти двое в прошлый раз поспорили про оливки. Их нельзя рядом. А этот дядя стесняется, его надо к маме поближе.

— Откуда ты знаешь?

— Я смотрю, — сказала Лиза.

Марина отдала карточки. У неё в компании была целая служба, которая за большие деньги делала то же самое на корпоративах, и делала хуже.

— Марина Викторовна, — Максим вышел из подсобки с двумя бутылками в каждой руке, — вам белое или красное? Или сразу оба, для тонуса?

— Воды, Максим. Я за рулём.

— Вы не за рулём, у вас Толик.

— Толик тоже за рулём.

Максим засмеялся, как смеются люди, с которыми невозможно поспорить, и налил ей воды в бокал для вина. Для солидности.

* * *

Гости собирались по одному. Пожилая пара принесла Алине банку варенья. Молодой человек в очках сел один и сразу прочитал меню целиком. Две подруги начали хохотать ещё в дверях. Женщина-врач пришла после смены с таким уставшим лицом, что Максим налил ей без вопросов. Мужчина с бородой, похожий на геолога, оказался программистом.

Марину посадили в угол. Алина никак её не представила, и Марина решила, что так даже лучше. Можно наблюдать.

На карточке у её места было написано «Бабушка». Ниже, мелко и с наклоном, Лиза приписала: «Марина Викторовна». Для официальности.

Алина встала во главе стола, хлопнула в ладоши, и в комнате стало тихо.

— Добрый вечер, — сказала она. — Сегодня у нас осень. Осень — это когда уже не жарко, но ещё не страшно. Сыры сегодня такие же.

Засмеялись. Даже серьёзный молодой человек.

Марина видела сотни презентаций. Она знала, как люди

выходят к публике: кто-то с бумажкой, кто-то с напором, кто-то с мокрыми ладонями. Алина вышла так, будто позвала всех к себе на кухню. Не продавала. Не убеждала. Рассказывала.

Козий сыр из Тверской области, от фермерши, которая ушла из банка и завела сорок коз. «Он сначала кажется строгим, как тётя на семейном празднике. А потом выясняется, что тётя в молодости танцевала в варьете». Голубой, с благородной плесенью, — «для тех, кто не боится».

— Я боюсь, — сказала пожилая женщина с вареньем.

— Вам можно, Тамара Ильинична, — сказала Алина. — Вы в прошлый раз его ели и потом полчаса хвалили.

— А я сыр вообще не люблю, — признался программист, похожий на геолога. — Меня сестра записала. Сказала: сходи хоть к людям.

— И как? — спросила Алина.

— Сыр не люблю, — сказал программист и взял третий кусок. — Люди нормальные.

Максим объявлял вина, как ведущий на свадьбе. «Это белое из Крыма. Лёгкое, как первая зарплата, и кончается так же быстро».

К сырам полагался грушевый чатни, который Алина варила сама, и хлеб из маленькой пекарни через два дома. Максим разливал, шутил и называл каждого гостя по имени, подглядывая в Лизины карточки. Лиза сидела на высоком табу-рете у стены и строго следила, чтобы никто не пересаживал-

ся.

Через полчаса за столом не осталось чужих. Врач рассказывала программисту про ночные дежурства. Две подруги выясняли у пожилой пары, как прожить вместе сорок один год и никого не убить. Молодой человек в очках записывал рецепт чатни.

Муж Тамары Ильиничны, сухонький, в клетчатой рубашке, наклонился к Марине, как к соседке по застолью.

— А мы, знаете, пельмени берём только одни, — сообщил он доверительно. — «Марусину кухню». Хорошие. Только бабушка на пачке мне тещу напоминает. Покойницу. Прямо одно лицо. Я, когда достаю из морозилки, всегда здороваюсь.

— И как она? — спросила Марина.

— Молчит, — сказал он. — При жизни бы так.

Марина засмеялась и не стала говорить, кто она. Впервые за много лет ей было интересно побыть никем.

Марина смотрела на дочь и не узнавала её. Нет, не так. Узнавала, но в какой-то новой роли. Алина слушала людей так, что им хотелось рассказывать дальше. Этому не учат на тренингах. Марина однажды отправила на такой тренинг весь отдел продаж. Отдел продаж научился говорить «я вас слышу» и перестал слышать окончательно.

Когда Алине было одиннадцать, она накормила всю лестничную площадку щавелевым супом, который сварила сама, по книжке, стоя на табуретке. Соседки потом неделю рассказывали Марине, какая у неё хозяйственная дочь. Марина

узнала об этом от соседок. Сама она в тот день была в Твери, на переговорах о втором цехе. К её возвращению суп кончился.

— Хорошо у вас, — сказала женщина-врач Марине через стол. — Вы здесь в первый раз?

— Нет, — сказала Марина. — Я мама.

— А, — сказала врач и улыбнулась так, будто это всё объясняло. — Повезло вам.

Марина кивнула. И машинально посмотрела на стулья.

Двенадцать мест. Билет — три с половиной тысячи. Аренда, сыры, вино, хлеб. Максим работает бесплатно, Лиза тем более. За вечер Алина зарабатывает примерно столько, сколько Марина тратит на хороший деловой обед.

А ведь из этого можно было бы...

Марина остановила мысль. Ненадолго.

* * *

Гости расходились долго, как расходятся с хорошего праздника. Пожилая пара обняла Алину. Программист и врач вышли вместе и продолжали разговаривать уже на улице. Серьёзный молодой человек вернулся с полдороги, чтобы уточнить, сколько класть корицы.

Пока Максим провожал последних гостей, Алина достала из-под стойки конверт, пересчитала деньги, отложила несколько купюр в кармашек сумки и сказала мужу через плечо: «Это Лизе на английский». Марина отвернулась, чтобы не видеть сумму. Сумму она всё равно увидела.

Когда дверь закрылась в последний раз, Алина села на дачный стул, сняла заколку и выдохнула.

— Ну как? — спросила она. Не глядя на мать. Слишком небрежно.

Марина встала и подошла к ней.

— Это было очень хорошо, — сказала она. — Правда. Ты умеешь с людьми так, как я не умею.

Алина подняла глаза. И Марина увидела в них то, чего не видела давно: дочь светилась. Как в шесть лет, когда принесла из садика аппликацию с кривым солнцем.

— Правда?

— Правда.

Надо было на этом остановиться. Обнять дочь, выпить с ней по бокалу и поехать домой.

Но на столе лежала бумажная салфетка. А в сумке у Марины всегда была ручка.

— Смотри, — сказала она и села рядом. — Это надо масштабировать. Двенадцать мест — потолок. Спрос есть, записи на месяц вперёд. Значит, вторая площадка. В центре.

Ручка побежала по салфетке. Две колонки. Цифры.

— Через полгода — Питер. Корпоративы отдельно: банки за такие вечера платят втрое. Потом ведущие, ты оставляешь себе только первые вечера. Через два года — франшиза. На самом деле это просто таблица.

— Мам.

— Подожди, я досчитаю. Если выйти на три площадки...

— А правда, Алин, — сказал Максим от раковины, где мыл бокалы. — Звучит же.

— Мам, — сказала Алина. — Я не хочу больше.

Марина подняла голову.

— Больше чего?

— Больше. Просто больше. Мне двенадцать — нормально. Я их всех по именам помню. Я знаю, что Тамара Ильинична не ест козий, а Гоша каждый раз переспрашивает про корицу. Мне не нужны три площадки и ведущие. Мне нужно вот это.

— Это сейчас так, — сказала Марина мягко, как ей казалось. — Потом станет тесно. Я через это проходила. Когда у меня был первый цех, я тоже думала, что больше не надо.

— Мам. Я не ты.

Это было сказано без злости.

Максим выключил воду.

Лиза слезла с табурета, подошла к столу и взяла салфетку. Посмотрела на две колонки. Потом взяла со стойки мамин маркер для меловой доски и старательно, крупными печатными буквами, вывела сверху: «БАБУШКИН БИЗНЕС-ПЛАН. НЕ ВЫБРАСЫВАТЬ». Сложила салфетку вчетверо и убрала в карман джинсов.

— Зачем тебе? — спросила Алина.

— Для истории, — сказала Лиза.

Первым засмеялся Максим. Потом, неуверенно, Алина. Марина тоже улыбнулась. Но ручку убрала.

В дверях Максим подал ей пальто и сказал вполголоса, пока Алина пересчитывала бутылки:

— Вы не обижайтесь. Она просто устала. А идея хорошая, я бы попробовал.

— Я не обижаюсь, — сказала Марина.

Максим кивнул с облегчением. Он всегда верил тому, что ему говорили.

* * *

Толик вёз её домой по ночному Садовому. Москва горела витринами, в которых никого не было.

Марина прокручивала вечер, как переговоры: что сказала, что слышали.

«Масштабировать» она сказала через минуту после «правда».

«Горжусь» не сказала вообще.

Глава 3. Семейный ужин

— Бабушка, а поменьше торта не было? — спросила Лиза, открывая дверь.

Торт действительно был большой. Марина заказала его в кондитерской на Никитской. В лифте коробка заняла половину кабины, и соседка с пятого этажа ехала, прижавшись к стенке. «Юбилей?» — спросила она. «Воскресенье», — ответила Марина. Соседка вышла на пятом с явным облегчением.

— Не было, — сказала Марина.

Это была неправда. Поменьше были. Но маленький торт на воскресный ужин у дочери казался Марине чем-то вроде подписи без печати: вроде пришла, а вроде и не очень.

Максим вышел в прихожую в фартуке «Лучший повар района», который носил с совершенно серьёзным достоинством.

— Марина Викторовна, — сказал он и забрал у неё пальто. — Проходите, курица на подходе. Почти. Ещё не совсем.

С кухни пахло пирогом. Алина испекла свой, яблочный, с корицей. Он стоял на подоконнике, накрытый полотенцем, и смотрел на торт, как дворняга на выставочного пуделя.

— Мам, я же говорила, что испеку, — сказала Алина.

— Будет два десерта, — сказала Марина. — Разве плохо?

Алина ничего не ответила и стала пристраивать торт в хо-

лодильник. Торт в холодильник не влез. Пришлось вынимать кастрюлю с супом.

* * *

Квартира у Алины и Максима была двухкомнатная, на девятом этаже, в районе, где все дома выглядели так, будто их рисовал один очень уставший человек. Марина трижды предлагала помочь с квартирой побольше. На третий раз Алина сказала: «Мам, нам нормально». Больше Марина не предлагала.

На кухне было тесно и тепло. На холодильнике висели Лизины рисунки, магниты из Анапы и расписание кружков. Табуретка под Мариной качалась. Марина незаметно подсунула под ножку сложенную салфетку. Потом так же незаметно достала телефон, чтобы записать себе: «Стулья Алине». Потом вспомнила «Мам, нам нормально» и убрала телефон.

Максим запекал курицу в духовке и относился к этому как к серьёзной инженерной задаче. Он заглядывал в духовку каждые три минуты, шурился и объявлял:

— Ещё не.

— Макс, она двадцать минут назад была «ещё не», — сказала Алина.

— Потому что она ещё не.

Лиза делала вид, что решает задачи за углом стола, а сама слушала взрослых. Марина узнавала метод. Сама так делала на совещаниях.

— Бабушка, а ты кем работаешь? — спросила Лиза, не

поднимая головы. — Нам задали про профессии в семье.

— Я руковожу компанией.

— Это я знаю. А правильно как написать?

— Генеральный директор.

Лиза старательно что-то вывела. Марина заглянула в тетрадь. Там было написано: «Бабушка — главная по пельменям».

— Генеральный директор, — повторила Марина.

— Так понятнее, — сказала Лиза и закрыла тетрадь.

Среди рисунков на холодильнике Марина нашла и себя. Маленькая фигурка в окошке самолёта, самолёт больше дома, а внизу, у дома, стоят три фигурки и машут. Подпись: «Бабушка улетает». Рисунок висел в самом центре, прижатый магнитом из Анапы.

Пока курица доходила, Лиза утатила бабушку к себе в комнату. Комната была маленькая, с двухъярусной кроватью, хотя спала Лиза одна: наверху жили мягкие игрушки, по росту.

— Смотри, — сказала Лиза и достала толстую тетрадь в клетку.

В тетради были списки. «Самые длинные слова, которые я знаю». «Кто в классе на кого обиделся и за что». «Что я хочу на день рождения (честно)» и отдельно «Что я хочу на день рождения (для мамы)». Каждый список был пронумерован и подчёркнут линейкой.

Марина листала тетрадь и чувствовала странное узнава-

ние: будто смотрела в уменьшенное зеркало, одетое в пижаму с котами.

— Давай поиграем, — сказала Лиза.

Марина растерялась. Играть с десятилетними она не умела. Со своей дочерью в этом возрасте она тоже не играла: не было времени, была няня.

— А давай, — предложила она осторожно, — составим план твоего дня рождения?

Лиза посмотрела на неё с восторгом.

— С бюджетом?

— С бюджетом.

Они успели расписать гостей, меню и конкурсы, распределили бюджет по статьям и поспорили о резерве на непредвиденное. Лиза настаивала, что непредвиденное — это торт, который уронят.

Курица наконец стала «уже да». За столом говорили о школе, погоде и соседях сверху, которые третий месяц делали ремонт и, судя по звукам, прокладывали в квартире метро.

Максим рассказывал про работу. Он продавал бытовую технику в большом магазине у МКАД и знал про холодильники всё, включая их характеры.

— Сегодня женщина вернула холодильник, — сказал он.

— Говорит, гудит неприятно. Я спрашиваю: а как надо? Она говорит: как у мамы. «Бирюса».

— И что ты сделал? — спросила Алина.

— Продал ей другой. Который гудит, как «Бирюса». Мы полчаса ходили по залу и слушали.

Марина засмеялась. Рассказывать Максим умел, этого у него было не отнять. Если бы он так же умел считать деньги, подумала Марина, и тут же устыдилась этой мысли. Но не до конца.

— А ты где была на неделе, бабушка? — спросила Лиза.

— В Казани.

— На самолёте?

— На самолёте.

— А на поезде туда можно?

— Можно. Но долго. Целую ночь.

Лиза подумала.

— А долго — это плохо?

Марина открыла рот, но ответа не нашла. Раньше всё было очевидно: долго — плохо.

— Ешь курицу, — сказала Алина. — Лиза, не мучай бабушку.

— Я не мучаю. Я спрашиваю.

* * *

Максим заговорил про машину между вторым куском курицы и третьим.

Машина у них была старая, серебристый «Солярис», купленный ещё до свадьбы. Он стучал, скрипел, зимой заводился через раз и, по словам Максима, «доживал свою лучшую жизнь». Они подали заявку на автокредит. Банк отказал.

— Уже второй, — весело сказал Максим. — У меня кредитная история, знаете, как у поэта. Бурная. Трагическая.

— Макс, — сказала Алина.

— А что такого? — Максим улыбнулся, развёл руками и повернулся к тёще. — Марина Викторовна наверняка знает банк, где одобряют даже меня.

Все засмеялись. Даже Алина, но как-то в сторону.

Марина уже держала телефон.

Это получилось само. Как если бы кто-то уронил стакан, а рука сама его ловит. Марина не решала звонить. Решение звонить принималось где-то в ней раньше, чем в голове.

— Олег Аркадьевич, добрый вечер. Нет-нет, всё хорошо. Простите, что в воскресенье. Посмотрите одну заявку на автокредит. Нет, не для меня. Для зятя.

Алина взяла нож и начала резать пирог.

Марина говорила коротко и спокойно. Фамилия. Сумма. Отказ. Причина отказа Олегу Аркадьевичу не понравилась, он помолчал. Но Олег Аркадьевич был должен Марине за одну историю девятилетней давности, и оба это помнили.

— Прекрасно, — сказала Марина. — Завтра в десять он будет у вас на Тверской. Скажет, что от меня. Спасибо. Привет супруге.

Она положила телефон на стол.

Алина всё ещё резала первый кусок пирога. Первый. Нож застрял в яблоках на полпути.

— Завтра в десять, — сказала Марина Максиму. — От-

деление на Тверской, спросишь Олега Аркадьевича лично. Одобрят.

— Ого, — сказал Максим. — Вот это сервис. Марина Викторовна, спасибо огромное.

Максим действительно обрадовался — как человек, которому только что починили то, что он уже собирался выбросить. Марине это в нём нравилось и раздражало одновременно.

Алина наконец дорезала кусок, положила его Лизе и сказала, не поднимая глаз:

— Мы же договаривались. Чтобы как в прошлый раз больше не было.

Максим перестал улыбаться и посмотрел в тарелку.

— Алин, это просто кредит.

— Я знаю, что это просто кредит.

— Я просто позвонила, — сказала Марина.

— Я знаю, мам.

Никто не объяснил, что было в прошлый раз. Марина знала. Максим знал. Алина знала. В семье об этом не говорили.

— Вы опять из-за денег? — спросила Лиза.

Все трое посмотрели на неё.

— Никто ни из-за чего, — сказал Максим и подмигнул дочери. — Мы из-за десерта. Бабушкин торт или мамин пирог? Выбирай. Вопрос с подвохом.

— Пирог, — сказала Лиза не задумываясь.

Алина улыбнулась. Впервые за вечер по-настоящему.

Торт так и простоял весь вечер в холодильнике, на месте кастрюли с супом.

После ужина Марина вызвалась мыть посуду. Алина посмотрела на неё с таким удивлением, что Марина почти обиделась.

— Мам, давай я.

— Я умею мыть посуду.

Марина действительно умела. Она не умела другого: знать, где у дочери лежат полотенца, куда ставятся тарелки и почему крышки от кастрюль хранятся в духовке. Через пять минут Максим мягко забрал у неё полотенце, а Алина молча переставила на свои места всё, что Марина поставила не туда.

Пока Максим домывал, Алина вышла с матерью на балкон. Балкон был застеклённый и заставленный до потолка: лыжи, коробки, Лизин велосипед, банки с огурцами от Максимовой мамы.

— Мам, — сказала Алина. — Спасибо, что позвонила. Правда. Просто...

Она не договорила. Марина ждала. Алина покрутила замочку, посмотрела на тёмные окна дома напротив и сказала:

— Холодно. Пойдём.

* * *

В прихожей Марина надевала пальто, а Лиза стояла рядом и держала её сумку. Держала обеими руками, серьёзно, как держат что-то очень ценное.

Максим проводил её до двери и вдруг сказал торжественно:

— Марина Викторовна, если одобряет, назовём машину в вашу честь.

— Машина не может быть Мариной Викторовной, — сказала Лиза из-за его спины.

— Почему?

— Потому что у машины нет папы, — сказала Лиза. — Значит, нет отчества.

Максим задумался. Алина фыркнула.

— Бабушка, — сказала Лиза. — А ты когда-нибудь отдыхаешь?

— Конечно, — сказала Марина. — Я отдыхаю, когда работаю.

Это была её старая шутка. Она говорила её журналистам, партнёрам и врачу на ежегодном обследовании. Обычно смеялись.

Лиза не засмеялась. Она посмотрела на бабушку внимательно, как смотрят на задачу, в которой не сходится ответ. Потом отдала сумку.

— Пока, бабушка.

— Пока, зайка.

Лифт ехал медленно. На седьмом этаже двери открылись в пустую площадку, постояли и закрылись.

Марина смотрела на своё отражение в мутном зеркале. «Я отдыхаю, когда работаю». В пустом лифте шутка не срабо-

тала.

Глава 4. Женщина, которая победила

— Марина Викторовна, у вас микрофон отклеился, — прошептала девушка с гарнитурой и полезла ей под пиджак.

Марина стояла за кулисами большого зала и позволяла себя переклеивать. Со сцены доносились музыка и гул четырёхсот человек, пришедших поздравить «Марусину кухню» с двадцатипятилетием. Девушку с гарнитурой звали Даша, ей было двадцать три, и весь вечер она обращалась с Мариной как с вещью, которую нельзя уронить.

— Через четыре минуты ролик, потом министерство, потом партнёры, потом Сергей Николаевич, потом вы, — сказала Даша. — Волнуетесь?

— Нет, — сказала Марина.

Это была правда. Марина не волновалась на сценах. Сцены не взлетали.

Днём Даша пыталась уговорить её на платье. «Бордо. Или изумруд». Марина пришла в тёмно-синем костюме. Даша вздохнула и прицепила ей на лацкан маленькую брошь-колосок, явно приготовленную заранее. Марина брошь оставила. Поражения надо уметь признавать красиво.

* * *

Свет в зале погас. На огромном экране появилась чёр-

но-белая фотография: гараж в Королёве. Кирпичные стены, железные ворота, лампа под потолком. Два стола под клеёнкой. Три женщины в фартуках.

Бархатный голос диктора сказал:

— Двадцать пять лет назад всё начиналось здесь.

Зал заплодировал гаражу.

Марина смотрела из-за кулисы и узнавала всё: клеёнку в мелкий цветочек, тётю Зину слева, которая лепила быстрее всех и ругалась как боцман, Любу справа, тихую, ушедшую через год в декрет. И себя посередине — тридцатитрёхлетнюю, в косынке, с лицом человека, который собирается брать Зимний.

Первый заказ — школьная столовая. Сто килограммов за три дня. Две ночи они не спали. На третью Люба уснула прямо над тестом, и Марина накрыла её своей курткой и долепила Любину норму сама.

Этого в ролике не было. В ролике было: «Упорство. Качество. Семейные ценности».

Не было в ролике и того, что гараж она сняла через месяц после развода, на деньги, занятые у всех, у кого можно было занять. Андрей тогда сказал: «Марин, ну какие пельмени, ты же экономист». Сказал без злости, почти ласково. Лучше бы со злостью. Со злостью было бы проще доказывать.

Потом первый цех. Второй. Первая фура. Первая сеть. Бабушка Маруся на упаковке — зал засмеялся и снова заплодировал. Завод под Тверью. Семьдесят регионов. Тысяча

двести сотрудников.

И в самом конце, под музыку, которая обещала что-то очень хорошее, на экране появилась ещё одна фотография.

Молодая женщина, лет двадцати восьми, в светлом летнем платье. Она стояла у высокой стены, за её спиной виднелись большие круглые часы. И она улыбалась. Не в камеру, а куда-то в сторону. Широко, без всякой причины, всем лицом.

— Такой её знают немногие, — сказал диктор.

Зал растроганно вздохнул.

Марина смотрела на фотографию и не могла вспомнить. Совсем. Где это? Кто снимал? Что за часы? И главное — чему она тогда так улыбалась?

Фото нашли в семейном архиве. Марина сама отдала пресс-службе коробку старых снимков и сказала: «Выберите что-нибудь». Выбрали это.

— Какая вы там счастливая, — прошептала рядом Даша.

— Да, — сказала Марина. — Наверное.

* * *

Речи шли по регламенту. Человек из министерства так долго говорил о поддержке отечественного производителя, что отечественный производитель в первом ряду начал незаметно смотреть в телефон. Партнёры говорили о надёжности. Директор той самой сети говорил о многолетней дружбе и ни разу не посмотрел в сторону Марины.

Сергей вышел на сцену последним перед ней. Постоял.

Посмотрел в зал поверх очков.

— Двадцать пять лет назад Марина Викторовна сказала мне: «Серёжа, это ненадолго. Года на три, потом продадим». — Он помолчал. — Я до сих пор жду.

Зал захохотал. Сергей кивнул и ушёл со сцены. Это была вся речь.

Марина вышла под аплодисменты, которые не хотели заканчиваться. Она говорила семь минут, без бумажки. Про команду. Про людей: назвала по именам двенадцать человек, от главного технолога до водителя первой фуры. Про тётю Зину, которая, к сожалению, не дожила.

— Когда мы начинали, — сказала она, — у нас было два стола, три пары рук и одна клеёнка. Клеёнку я до сих пор храню. Если однажды всё пойдёт не так, я знаю, с чего начинать заново.

Зал засмеялся. Марина нашла глазами Алину. Алина сидела за столиком у стены и снимала на телефон, и лица её за телефоном не было видно.

Под конец, когда Марина сказала, что всё только начинается, зал встал.

Марина улыбалась, кланялась и думала, что с аплодисментами примерно как с томатным соком: непонятно, помогают ли, но без них уже как-то не то.

* * *

Потом был банкет. Марину поздравляли, обнимали, фотографировались с ней и передавали из рук в руки, как пе-

реходящий кубок.

Алина пришла с Максимом. Лизу оставили с соседкой: вечер был поздний. Алина обняла мать крепко, по-настоящему, и сказала на ухо:

— Мам, ролик хороший. И ты там такая на последнем фото. Я тебя такой вообще не видела.

— Я тоже, — сказала Марина.

Алина решила, что это шутка, и засмеялась.

Потом к Марине подошла полная женщина в нарядной кофте, смущаясь, как на родительском собрании.

— Марина Викторовна, вы меня, наверное, не узнаете. Я Тоня, Зинина дочка. Мама про вас до последнего рассказывала. Как вы Любу курткой накрыли.

Марина узнала. Не лицо — голос. У Тони был мамин голос, только без боцманских слов.

— Твоя мама тесто руками чувствовала, — сказала Марина. — Лучше всех. Я так и не научилась.

Тоня заплакала. Марина обняла её, и фотограф, конечно, это снял. Через неделю снимок выйдет в корпоративной газете с подписью «Мы — одна семья». Подпись Марина не утверждала.

У колонны стоял Сергей с женой. Наталью Марина знала столько же, сколько Сергея. За все эти годы они сказали друг другу, наверное, триста фраз, и все вежливые. На корпоративах Наталья выпивала один бокал белого вина и уходила ровно в одиннадцать.

Сергей разговаривал с кем-то из Твери и объяснял что-то про логистику, помогая себе рукой. Наталья стояла рядом и слушала вполуха. А потом, не глядя и не перебивая его, протянула руку и поправила ему воротник рубашки. Воротник подвернулся, когда он снимал пиджак. Сергей даже не заметил, что его поправили. Просто продолжал говорить.

Марина смотрела на это и почему-то не могла отвернуться.

Тридцать лет. Воротник. Не глядя.

Сама Марина была замужем девять лет. И за девять лет ни разу не поправила Андрею воротник.

Цветы от Андрея привезли ещё днём, в офис. Белые хризантемы, аккуратные, без всякого пафоса. К ним карточка, написанная от руки знакомым наклонным почерком:

«Поздравляю с двадцатипятилетием. Ты молодец. А.»

Марина прочитала карточку один раз и убрала в ящик стола. А потом весь вечер возвращалась к двум словам: «Ты молодец».

Ты молодец.

Слишком маленькие слова для компании на семьдесят регионов. И почему-то слишком личные.

Андрей никогда не писал ничего случайно. Или Марина до сих пор так думала.

Сергей подошёл, когда Наталья пошла за пальто.

— Хорошая речь, — сказал он.

Двенадцать имён. Главный технолог, водитель, бухгалтер,

тётя Зина. Сергея среди них не было. Марина просто не подумала о нём — как не думают о стене, на которой держится кабинет.

— Серёжа, я со сцены...

— Нормально, — сказал он. — Меня все и так знают.

— Твоя речь лучше, — сказала Марина.

— Моя короче. — Он помолчал. — Казань подписала?

— Подписала. Условия лучше, чем мы считали.

— Знаю. Видел отчёт.

Сергей снял очки и начал протирать их краем пиджака. Так он делал, когда был не согласен. Но тут вернулась Наталья с пальто, и очки снова оказались на месте.

— С праздником, Марин, — сказал он. — Двадцать пять лет. Кто бы мог подумать.

— Я, — сказала Марина.

Сергей усмехнулся. Ровно в одиннадцать они с Натальей ушли.

— Марина Викторовна, пару вопросов для журнала? — к ней пробралась молодая женщина с диктофоном и бейджем делового издания. — Буквально две минуты.

— Две, — сказала Марина.

Журналистка спросила про планы. Марина рассказала про выход в Казахстан, про новую линейку, про автоматизацию завода. Журналистка кивала и записывала. Потом подняла глаза.

— А о чём вы мечтаете?

— Я же сказала. Казахстан.

— Нет, я имею в виду... — журналистка улыбнулась. — Лично вы. Не компания. Вы.

Марина посмотрела на неё.

— Это и есть лично, — сказала Марина. — Спасибо. Две минуты.

* * *

Толик вёз её через ночную Москву.

В машине Марина открыла телефон. Двести сорок четыре сообщения. Она прочитала все по порядку. «Уважаемая», «желаем дальнейших», «новых высот». Высот ей желали так настойчиво, будто сговорились.

Последним, в двенадцать сорок, пришло голосовое от Лизы. Шёпотом: «Бабушка, поздравляю с пельменями. Я не сплю. Мама не знает. Всё, пока».

Марина прослушала его три раза. Домой они приехали в начале второго.

Дом встретил тишиной, в которой было слышно, как работает холодильник. Галина Петровна давно ушла. Свет горел только в прихожей: Марина однажды попросила оставлять его, и с тех пор его оставляли всегда.

Марина сняла туфли и прошла на кухню босиком. Огромная тёмная кухня сияла даже без света. Она включила одну лампу над островом и налила воды.

На столе лежала папка. Пресс-служба вернула ей коробку со снимками, и сверху, в прозрачном файле, лежала та самая

фотография. Большая, хорошего качества. Для рамки.

Молодая женщина у стены с круглыми часами улыбалась куда-то вбок.

Марина села на высокий барный стул, неудобный, как все барные стулья, и стала смотреть.

Двадцать восемь лет. До компании. До гаража. Ещё замужем. Алине четыре года. Всё впереди.

Чего она тогда хотела?

Марина попыталась вспомнить, как вспоминают цифры прошлогоднего отчёта. Чего она хотела в двадцать восемь. В тридцать. Кроме одного — чтобы получилось. Деньги, цех, квартира, Алина в хорошей школе. Чтобы никто больше не смотрел на неё сверху вниз.

Получилось.

А кроме этого?

Холодильник щёлкнул и замолчал. Стало совсем тихо.

Марина сидела на неудобном стуле посреди огромной сияющей кухни, пока вода в стакане не стала комнатной.

Так и не вспомнила.

Глава 5. «Со мной уже ничего не произойдёт»

— Марина Викторовна, бахилы, — строго сказала начальница участка и протянула ей голубой пакетик.

Марина надела бахилы. Потом халат. Потом шапочку, под которую пришлось убрать даже седину у висков. В зеркале у входа отразилась женщина, похожая на хирурга, который пришёл оперировать пельмень.

Первый цех стоял на окраине Королёва, в бывшем здании молочной кухни. Двадцать четыре года назад Марина сняла его, когда в гараже стало не развернуться. Потом появились цеха побольше, потом завод под Тверью, а этот остался. Здесь лепили ручную линию, самую дорогую: двенадцать женщин, двенадцать столов и пельмени, каждый из которых кто-то подержал в руках.

Официально Марина приехала с плановой проверкой. На самом деле после юбилея она три ночи плохо спала, а в субботу утром села в машину и сказала Толику: «В Королёв». Толик ничего не спросил.

Проверка заняла сорок минут. Всё было в порядке. Валентина Степановна, начальница участка, шла за ней по пятам и отвечала на вопросы раньше, чем Марина успевала их задать. Женщины за столами лепили и старательно не смот-

рели на хозяйку. Одна уронила пельмень и покраснела так, будто уронила хрустальную вазу.

— Можно быстрее, — сказала Марина, глядя на ленту.

— Можно, — сказала Валентина Степановна. — Но тогда это будет не ручная линия. Это будет обычная линия с картинкой ручной.

Марина кивнула. Ответ был правильный. Двадцать лет назад она сама учила этому Валентину Степановну.

На выходе Марина сняла бахилы, шапочку и халат и вдруг не поняла, куда теперь ехать. До Москвы час. Дома тишина и холодильник.

Через дорогу была кулинария. Вывеска «Выпечка. Кофе», три столика у окна, запах ванили на всю улицу. Двадцать четыре года назад здесь стоял хлебный ларёк, и работницы бежали туда за булками.

— Я на полчаса, — сказала Марина Толику.

Толик посмотрел на неё, но ничего не спросил.

* * *

В кулинарии было тепло и немного тесно. За прилавком девушка в чепце раскладывала эклеры по росту, и Марина это одобрила. За одним столиком сидела пожилая пара, за другим мальчишка с телефоном. За третьим, у самого окна, — полная женщина в вязаной кофте с крупными пуговицами. Перед ней стояли чай в стакане и эклер, к которому она ещё не притронулась.

Марина взяла чёрный кофе и огляделась. Свободных мест

не было.

— Садитесь ко мне, — сказала женщина в кофте. — Я одна. Садитесь, не стесняйтесь.

Марина села. Кофе оказался неожиданно хорошим, и она собиралась молча его выпить. Но женщина смотрела на неё всё внимательнее, а потом всплеснула руками.

— Марина Викторовна?

Марина привыкла, что её узнают на отраслевых выставках, в министерствах, иногда в аэропортах. В кулинарии на окраине Королёва — никогда.

— Да, — осторожно сказала она.

— А я у вас работала! — Женщина просияла. — Вот тут, через дорогу. В первую зиму, когда вы цех открыли. Полгода. Меня Лариса зовут. Вы меня, наверное, не помните.

Марина не помнила. Она перебрала в памяти ту зиму: холод, трубы, которые лопнули в декабре, первый контракт с сетью, лица. Тётю Зину помнила. Любу помнила. Технолога Колю, который потом ушёл к конкурентам, помнила. Ларису — нет.

— Простите, — сказала Марина. — Не помню.

— Да что вы, — Лариса махнула рукой безо всякой обиды. — Меня никто не запоминает. У меня лицо такое. Удобное. А вы тогда всех по именам знали. Я как сейчас помню: вы подошли и говорите: «Лариса, у вас пельмени как с выставки». Я потом неделю ходила счастливая.

Этого Марина тоже не помнила. Но почему-то сразу по-

верила.

Выяснилось, что Лариса пришла в цех, когда санаторий, где она работала, закрыли на ремонт. Потом санаторий открыли, и она вернулась. Тридцать лет сестрой-хозяйкой: бельё, номера, отдыхающие. Чтобы у каждого было свежее полотенце и никто не чувствовал себя чужим. Год назад вышла на пенсию.

— А сюда вы часто заходите? — спросила Марина.

— По субботам, — сказала Лариса. — Мы с Володиёв раньше сюда по субботам ходили, после рынка. Он брал эклер, я чай. Он два года назад умер.

Она сказала это просто, как говорят о погоде, и чуть подвинула эклер к краю стола. Марина поняла, что эклер не для неё.

— Простите, — сказала Марина.

— Ничего. Уже можно говорить. — Лариса покрутила стакан в подстаканнике. — Первый год все звонили. Денис из Мытищ по выходным приезжал, Света утром и вечером. А потом как-то решили, что я уже справилась. Звонят в воскресенье: мам, ты как? Нормально. Ну и хорошо. Подруги к внукам разъехались. Санаторий без меня прекрасно стоит.

Она улыбнулась.

— И вот я сижу и думаю: все как будто решили, что со мной больше ничего не произойдёт. Ни хорошего, ни плохого. Живёт человек и живёт. Что с ним будет-то?

Марина держала чашку и смотрела в окно, на белое зда-

ние бывшей молочной кухни, где двенадцать женщин лепили пельмени, не поднимая глаз.

«Санаторий без меня прекрасно стоит».

Санатория у Марины не было. У неё было семьдесят регионов, тысяча двести сотрудников и Сергей, который мог за три недели решить то, что она решала за семь минут.

Марина отпила остывший кофе.

— Вы чего так смотрите? — спросила Лариса. — Я вас расстроила. Вот ведь, человек кофе пить пришёл, а я со своим.

— Нет, — сказала Марина. — Вы меня не расстроили.

Это была правда. Марина просто вдруг перестала понимать, зачем приехала в Королёв.

Толик ждал уже сорок минут. Марина встала, по привычке оставила на столе визитку, как на переговорах, и сказала:

— Лариса, через неделю я снова буду здесь. В субботу. Если вы придёте, я зайду.

— Приду, — сказала Лариса. — Куда я делась бы.

* * *

Через неделю Марина приехала безо всякой проверки. Валентине Степановне позвонила из машины и сказала, что на участок заходить не будет, «просто мимо». Валентина Степановна, судя по голосу, решила, что это какая-то новая форма проверки, и до вечера никого не отпускала курить.

Лариса сидела за тем же столиком. Перед ней стояли стакан чая и эклер. Второй эклер лежал на тарелке напротив.

— Это вам, — сказала Лариса. — Вы в прошлый раз ничего не съели. Кушайте, кушайте. Худенькая такая.

Худенькой Марину последний раз называли лет в двадцать. Она села и посмотрела на эклер, как на незнакомый договор. Сладкого она не ела лет пятнадцать.

Всю неделю Марина думала о Ларисе. Между совещаниями, в машине, ночью. И, как всегда, думала продуктивно. К субботе у неё был план.

— Смотрите, — сказала она, достала ручку и перевернула меню, распечатанное на листе бумаги. оборот был чистый. — Вы тридцать лет вели хозяйство санатория. Это серьёзная компетенция. Вариант первый: курсы администраторов гостиниц, их сейчас много, есть заочные. Вариант второй: консультант. Частные пансионаты растут, им нужны люди, которые знают, как всё устроено изнутри. Могу поговорить с одним человеком. Вариант третий, если деньги не главное: волонтерство. У меня есть фонд, мы помогаем двум домам престарелых, там всегда нужны руки.

Ручка бежала по бумаге. Колонки. Стрелки. Сроки.

Лариса слушала, кивала и откусывала эклер. Вежливо и тепло, как кивают доктору, который очень старается, но говорит не о том. На слове «компетенция» она откусила особенно большой кусок.

Марина остановилась.

— Вам не нравится.

— Нравится, — сказала Лариса. — Очень толково. Вы

всегда толково говорили.

— Но?

Лариса доела эклер, аккуратно собрала крем с тарелки ложечкой и посмотрела в окно.

— Я, знаете, чего хочу, — сказала она негромко, как говорят о чём-то не совсем приличном. — Маленький дом. Гостиной. Комнат на пять. Чтобы люди приезжали, а я их кормила, стелила им свежее бельё, и чтобы утром они выходили на кухню, а там пахнет блинами. И чтобы, уезжая, говорили: как дома. Даже лучше, чем дома.

Она смутилась и покраснела.

— Глупость, конечно. В мои-то годы. Неудобно даже вслух говорить.

Марина уже считала. Королёв и окрестности. Цена дома. Ремонт. Пять комнат: заполняемость, сезонность, командировочные, Лосиный Остров под боком. Регистрация, налоги, сайт. Ручка потянулась к свободному краю листа.

— Это не глупость, — сказала Марина. — Это бизнес-модель. Если взять дом в пределах...

— Марина Викторовна, — мягко перебила Лариса. — А вы-то сами чего хотите?

Ручка остановилась.

— В каком смысле?

— В прямом. Вот я вам рассказала. А вы чего хотите? Для себя?

Марина открыла рот. Потом закрыла.

— Я хочу, чтобы вы открыли гостевой дом, — сказала она и улыbnулась, как улыбаются на переговорах, когда надо выиграть время.

Лариса засмеялась.

— Хитрая вы, — сказала она. — Ладно. Не хотите — не говорите.

Прощаясь, Лариса сложила исписанное меню вчетверо, завернула в салфетку нетронутый Маринин эклер и сунула всё это Марине в сумку. Так быстро и ловко, что Марина не успела возразить.

— В дороге покушаете, — сказала Лариса.

* * *

Толик вёз её по Ярославскому шоссе. Шёл мелкий ноябрьский дождь, дворники ходили туда-сюда, как маятник.

Марина смотрела в окно и пыталась ответить на вопрос. Для себя.

Чего она хочет. Для себя.

Чтобы компания вышла в Казахстан. Это для компании. Чтобы Алина не злилась. Это для Алины. Чтобы Сергей перестал снимать очки. Это для Сергея. Чтобы у Лизы был хороший английский. Это для Лизы.

Для себя.

Дворники ходили туда-сюда. Марина открыла сумку. Там лежали эклер в салфетке и сложенное меню. Она развернула лист. Колонки, стрелки, сроки. Три варианта новой жизни для Ларисы, аккуратно, как в хорошем отчёте.

Для чужой жизни у неё за неделю нашлось три варианта.
Для своей не нашлось ни одной строчки.

Марина посмотрела на эклер. Потом, неожиданно для себя, развернула салфетку и откусила. Эклер был свежий, сладкий до неприличия и совершенно не полезный.

Ответа он не дал. Но был вкусный.

Глава 6. Клуб

— Это Маруся, — сказал Сергей.

— Это собирательный образ, — сказала Марина.

— Это Маруся, у которой отобрали половник.

На экране немолодая женщина в платке распахивала окно, и из него лился тёплый жёлтый свет. Задачу Марина поставила честно: женщина открывает окно в новую жизнь. Отдел упаковки справился за два дня. Двадцать лет он рисовал одну и ту же бабушку и, видимо, разучился рисовать других.

Марина посмотрела на логотип ещё раз. Щёки были Марусины. Платок тоже. Не хватало только пельменей на подоконнике.

— Поправят, — сказала она и щёлкнула пультом дальше.

Было восемь вечера. Сергея она попросила задержаться «на пять минут», и пять минут шли уже сорок третью.

Презентация клуба была сделана так, как Марина делала всё. Тридцать два слайда. Женщины пятьдесят пять плюс, одиннадцать миллионов человек. Дорожная карта на три года, в конце — федеральная сеть клубов. Зелёные стрелки вверх.

Больше всего Марина гордилась слайдом двенадцать. Там был показатель «конверсия в новую жизнь».

— Это что? — спросил Сергей.

— Доля участниц, которые за год что-то изменили. Пе-

реехали, нашли занятие, пошли учиться. Цель — тридцать процентов.

— А если человек ничего не изменил, но ему стало лучше?

— Это не измеряется.

— Вот, — сказал Сергей и попросил слайд двадцать семь. Там были риски.

«Риск: участницы не захотят меняться, — прочитал он. — Меры: мотивационные материалы, промежуточный контроль».

— Ты их что, премии лишать будешь?

— Это стандартная форма, — сказала Марина.

— Я вижу, — сказал Сергей.

Сергей снял очки.

— Марин. Зачем тебе это?

— Я встретила в Королёве женщину, — сказала Марина. — Она у меня когда-то в цеху работала. Муж умер, дети выросли. И она говорит: все решили, что со мной больше ничего не произойдёт.

— И ты решила, что с ней произойдёшь ты, — сказал Сергей.

Марина сделала вид, что не слышала.

— Три пункта. Социальный запрос. Ресурс фонда. Мой опыт запуска проектов.

— Это зачем им. А тебе?

Марина выровняла пульт по краю стола. Пульт и так лежал

ровно.

После Королёва Марина неделю плохо спала. Вопрос Ларисы — «а вы-то сами чего хотите?» — не решался за семь минут. Поэтому Марина сделала с ним то, что умела: превратила в проект.

— Мне интересно, — сказала она.

— Понял. — Сергей надел очки и встал. — Ты ищешь, чем жить дальше. Просто оформила поиск как бизнес-план.

— А как ещё его оформлять?

Сергей подумал.

— Никак. Просто искать.

— Это неэффективно, — сказала Марина.

— Знаю, — сказал Сергей и пошёл домой к Наталье, которая никогда не звонила ему спросить, когда он будет. Марина однажды спросила, как это у них получается. Сергей ответил: «Она знает, что буду». Марина тогда решила, что это не ответ.

* * *

Руководителя клуба искал отдел кадров. Прислали четырнадцать резюме, Марина выбрала три.

Первая кандидатка пришла со своей презентацией на сорок слайдов и честно побила Маринин рекорд. Вторая за полчаса трижды назвала Марину наставницей и один раз легендой. Марина почувствовала себя памятником, которому предлагают сотрудничество, и попрощалась с обеими очень вежливо.

Третья пришла с самокатом.

Самокат был складной и мокрый от ноябрьской слякоти. Девушка аккуратно прислонила его к фикусу в приёмной, извинилась перед фикусом и вошла в кабинет.

— Соня, — сказала она. — Добрый вечер.

Короткое каре, серый свитер на два размера больше, нашее большие наушники. Тридцать один год. И лицо человека, который никуда не опаздывает и никуда не торопится. Таких лиц в компании у Марины не было. Она их как-то не набирала.

В резюме значились шесть лет в рекламном агентстве, потом перерыв, потом культурные проекты для районных библиотек. Перерыв Марину насторожил. Библиотеки насторожили ещё больше.

— Кофе? — спросила Марина.

— Воды, если можно. После четырёх я кофе не пью.

Марина посмотрела на свою чашку. Чашка была четвёртая за день, и шёл седьмой час. До этой минуты Марина считала это нормой.

— Презентацию смотрели?

— Смотрела. Красивая. Можно вопрос?

Обычно вопросы задавала Марина. Она кивнула.

— Вы у них спрашивали?

— У кого?

— У женщин. У одиннадцати миллионов.

— Я разговаривала с Ларисой.

— С одной Ларисой?

— Лариса очень показательная, — сказала Марина.

Соня улыбнулась. По-настоящему.

— А зачем клуб им? — спросила Соня. — Не фонду и не вам. Им.

— Общение. Новые навыки. Самореализация...

— Это слайд восемь, — мягко сказала Соня.

Это действительно был слайд восемь.

— Я не спорю, — сказала Соня. — Может, им всё это и нужно. Но я бы сначала позвала человек пять и послушала. А потом уже рисовала стрелки. Иначе получится продукт для целевой аудитории, которую... — Она осеклась и засмеялась. — Простите. Пять лет не говорила «целевая аудитория». С вами продержалась десять минут.

— Это заразно, — сказала Марина.

— Я знаю. Я от этого лечилась.

У Марины на столе завибрировал телефон. Потом ещё раз. Потом он зажужжал так, будто собирался уйти сам. Соня ничего не сказала. Она просто подождала, как ждут, пока проедет трамвай.

Марина перевернула телефон экраном вниз.

Соня не возражала. Просто задавала следующий вопрос, и после него Маринин ответ начинал выглядеть так, будто его писал отдел упаковки.

Конференц-зал в бизнес-центре с панорамными окнами? «А Лариса из Королёва на чём приедет?» Встречи вечером,

после работы? «Они не работают. Им засветло домой хочется». Стратегия продвижения на год? «А если придут трое?»

— А вы сами в клуб пойдёте? — спросила Соня.

— Я организатор.

— А участницей?

— Мне некогда, — сказала Марина.

— Им, наверное, тоже было некогда, — сказала Соня. — Лет сорок.

Марина решила, что это не вопрос, и отвечать не стала.

— Рабочее название — «Новая глава», — сказала она.

Название она придумала сама, в машине, где-то между Королёвом и Мытищами, и оно ей очень нравилось.

— Угу, — сказала Соня. — А это не звучит как курс по бухучёту?

— В каком смысле?

— «Новая глава. Изменения в Налоговом кодексе с первого января».

Название перестало ей нравиться примерно на слове «кодекс».

— Название обсуждается, — сказала она.

— Его, по-моему, должны придумать они, — сказала Соня.

Часы на стене показали семь. Соня посмотрела на них и встала.

— Простите. Семь. Мне пора.

— Мы не договорили.

— Давайте в понедельник? Могу в одиннадцать.

— У вас ещё одно собеседование?

— Нет, — сказала Соня. — У меня вечер.

Она надела наушники на шею, как шарф, забрала из приёмной самокат, ещё раз извинилась перед фикусом и ушла.

Марина осталась сидеть.

С её совещаний уходили по-разному. В слезах. С заявлением. Один поставщик ушёл без портфеля и вернулся за ним через неделю, с юристом. Но по расписанию не уходил никто.

Марину это бесило и восхищало.

Через пять минут Марина вышла в приёмную. Секретарь собирала сумку и улыбалась сама себе.

— Она спросила, можно ли вашему фикусу воды, — сообщила секретарь. — Говорит, у него вид уставший. Я полила.

Фикус стоял в приёмной одиннадцать лет. Марина ни разу не задумывалась, какой у него вид.

Вернувшись в кабинет, она написала в отдел кадров: «Кандидатам один и два — отказ. По третьей решу сама». Подумала и добавила: «Самокат из приёмной не выгонять».

* * *

Утром из машины Марина позвонила Ларисе. Номер Лариса когда-то написала на обороте меню крупными цифрами и обвела в кружок, чтобы не потерялся. Не потерялся.

— Лариса, это Марина Викторовна. Я открываю клуб. Хочу, чтобы вы пришли.

— Ой, — сказала Лариса так, будто ей позвонили из

Кремля. — А что там делать-то?

Марина хотела сказать про общение и самореализацию. Вспомнила слайд восемь.

— Это мы там и выясним.

— А кушать там будут?

— Будет чай.

— Я тогда пирожков напеку, — решила Лариса. — Неудобно с пустыми руками. А одеваться как? Нарядно или по-простому?

— Как вам удобно.

— Мне удобно в халате, — засмеялась Лариса. — Ладно. Кофту надену. Хорошую.

Марина положила трубку. На её совещаниях никто никогда не спрашивал, как одеваться. Все и так знали: как Марина Викторовна, только скромнее.

Потом она открыла записную книжку. На чистой странице написала: «Клуб. Участница 1 — Лариса». И приписала в скобках: «пирожки».

— В Королёв опять? — осторожно спросил Толик.

— На работу.

Толик выдохнул. Две субботы в Королёве он пережил стойко, но третья, видимо, уже требовала объяснений.

Соня позвонила ровно в девять.

— Марина Викторовна, я согласна. С одним условием.

Марина улыбнулась. Условия она любила: с условиями можно торговаться.

— Слушаю.

— Я не работаю по ночам. И по выходным. Телефон в семь выключается. Если что-то горит, пусть горит до утра. — Соня помолчала. — Клуб для женщин, которые всю жизнь горели. Будет странно, если его начнёт вести человек, который горит.

Толик сделал радио тише.

— Посмотрим, — сказала Марина.

Глава 7. Первый вечер

— «И понимает, что пора начать заново», — подсказал Толик.

— Я помню, — сказала Марина.

— Вы на этом месте и вчера остановились. Дальше про возможности. «Возможности не заканчиваются в пятьдесят пять».

Речь была на двенадцать минут и на двенадцати карточках. Всю неделю Марина репетировала её в машине с секундомером. Толик выучил речь наизусть и, кажется, сам начал верить в возможности.

— Спасибо, Анатолий.

Анатолием Марина называла его раз в год, когда он был прав.

— Я бы, Марина Викторовна, начал с анекдота, — бодро добавил Толик. — Для разрядки.

— С какого?

Толик подумал и честно признался, что приличных не знает.

* * *

Библиотеку в Сокольниках нашла Соня. Марина хотела зал с панорамными окнами. Соня сказала, что женщинам нужнее гардероб, лифт и чтобы от метро не через шесть полос. Возразить было нечего.

Она приехала за сорок минут, чтобы быть первой.

— Ваша уже наверху, — сообщила гардеробщица, выдавая номерок. — С пирожками.

Лариса стояла в читальном зале у длинного стола и расставляла чашки. Чашки были библиотечные, все разные: с гжелью, с олимпийским мишкой, с надписью «Лучшему бухгалтеру». Лариса расставляла их так, будто накрывала на свадьбу, и каждую поворачивала ручкой вправо.

— Я на электричке, — объяснила она. — С запасом. Электрички же.

Марина взялась помогать и расставила три чашки. Лариса дождалась, пока она отвернётся, и молча повернула все три ручкой вправо. Марина это видела. Точно так же она сама переставляла бокалы у Алины.

— Вы и в цеху так делали, — сказала Лариса. — Всех рассаживали. Кого к окну, кого к двери. Чтоб не болтали.

— Помогало?

— Нет, — сказала Лариса. — Мы через стол болтали.

Пирожков было на двенадцать человек. Записалось пятеро. Лариса считала, что это не повод печь меньше.

Со стены на стол строго смотрел Толстой. Марина подумала, что он, как никто, понял бы тему встречи: сам в восемьдесят два года решил начать заново и ушёл из дома. Правда, чем кончилось, лучше было не вспоминать.

* * *

Женщины собирались так, как собираются на родитель-

ское собрание: каждая была уверена, что пришла вовремя, а остальные опаздывают.

Первой вошла маленькая сухая женщина в ветровке, посмотрела на часы и сказала: «Без пяти. А где все?» Было без десяти. Часы у Нины, как выяснилось, спешили на пять минут. Специально. Сорок лет она была диспетчером автобусного парка и опозданий не прощала никому, включая время.

Вторая протёрла стул влажной салфеткой, потом протёрла кусок стола перед собой, положила туда блокнот в клетку и сказала:

— Елена. Я пришла посмотреть.

— Смотрите, — разрешила Нина.

Третья появилась в дверях так, будто за дверью только что дали третий звонок. Высокая, в тёмно-зелёном платье, с яркой помадой и серебряной брошью-стрекозой. Оглядела зал, Толстого, чашку с олимпийским мишкой.

— Декорации скромные, — сказала она. — Но свет хороший. Инга.

По дороге к стулу она, не спрашивая, поправила Марине воротник блузки.

— Простите. Сорок лет костюмером в театре. Не могу смотреть, как человек с завернувшимся воротником собирается выступить.

Воротник Марине в последний раз поправляли гримёры перед телеэфиром. И то с разрешения.

Нина оглядела зелёное платье с головы до туфель.

— Вы на свадьбу, что ли?

— На премьеру, — сказала Инга. — Свадьбы у меня уже были.

Четвёртую сначала было слышно, а потом уже видно. На лестнице громко зазвонил телефон, и крепкая женщина в джинсах вошла, договаривая: «Кать, шапку ему положи, там ветер». Сумка у неё звякнула, как небольшая аптека.

— Ольга. Простите, пробки. Тридцать пять лет в детской поликлинике. Если у кого давление, у меня всё с собой.

Лариса разлила чай. Марина встала и взяла первую карточку.

Пять человек. На совещаниях Марина начинала говорить, когда в зале сидело двадцать, и ни разу не волновалась. Но двадцать человек никогда не смотрели на неё так, как смотрели эти пятеро: будто сейчас начнут проверять домашнее задание. И проверять будут все пятеро, каждая по своему предмету.

* * *

— Дорогие женщины, — начала она. — Каждая из нас в какой-то момент понимает, что пора начать жизнь заново...

— Зачем заново? — спросила Нина.

Марина остановилась.

— Я что, неправильно жила? — Нина пожала плечами.

— Не надо заново. Надо просто начинать. С того места, где стоишь.

— Ну как не заново, — сказала Ольга. — Я на пенсии.

Одна жизнь кончилась, другая началась.

— Ничего у тебя не кончилось. Ты пять минут назад в трубку про шапку кричала.

— Я не кричала. У меня связь громкая.

— Заново, — сказала Инга, — это когда пьеса та же, а декорации поменяли. Поверьте костюмеру. Пьесу меняют гораздо реже.

— Давайте определим термин, — сказала Елена и открыла блокнот.

— С капустой и с яйцом, — сказала Лариса и пустила по столу пакет. — С яйцом — это которые поджаристые.

Марина стояла с карточкой номер один.

Её перебивали трижды. Заместитель министра, пожарная тревога и Лиза, в пять лет, по телефону: у Лизы выпал зуб. Все три раза Марина потом продолжала с того же места.

— Если позволите, я закончу мысль, — сказала она.

— Да вы садитесь, — сказала Лариса. — Стоя неудобно. Кушайте.

Марина села. Ей досталась чашка «Лучшему бухгалтеру».

Спор про «заново» шёл сорок минут, а потом стал спором про всё сразу: внуков, пенсию, право на глупость и то, что женщине вообще положено после шестидесяти. Елена записывала. Лариса подливала чай, и после каждого пирожка спор почему-то становился тише.

В какой-то момент Лариса покраснела, и Ольга, не прерывая спора, достала из сумки тонометр.

— Руку давай.

— Да я нормально...

— Руку.

Лариса дала руку. Ольга накачала манжету, послушала и объявила:

— Сто сорок на девяносто. Это от пирожков или от Нины?

— От Нины, — сказала Лариса.

— Я вообще молчу, — сказала Нина, и это была первая неправда, которую она произнесла за вечер.

Марина заглянула в блокнот Елены. Там было написано «ЗАНОВО?», а под этим две колонки, «за» и «против», и в каждой аккуратные палочки. «Против» пока выигрывало. Одна палочка в графе «за», судя по всему, была Маринина, и стояла она в скобках.

Марина дважды пыталась вернуть встречу к структуре. Первый раз Нина посмотрела на часы. Второй раз Ольга сказала: «Подождите, я про Катю не договорила» — и договаривала ещё десять минут.

Соня не помогала. Она сидела в углу, щёлкала ручкой и делала лицо человека, которому очень интересно. Марина пересела к ней поближе.

— Может, вмешаетесь? — сказала она вполголоса.

— Зачем? — так же вполголоса ответила Соня. — Всё идёт хорошо.

— Мы сорок минут обсуждаем одно слово.

— Вот именно, — сказала Соня с удовольствием и щёлк-

нула ручкой.

Ближе к шести у Ольги снова зазвонил телефон.

— Да, Кать. Тёму забрать? Я сейчас приеду.

Катя в трубке ещё что-то говорила. Ольга уже надевала куртку.

— Совещание у неё затянулось, а садик до шести, — сказала она всем сразу. — Простите, девочки. В следующий раз досижу.

Номер телефона она оставила на салфетке, «если у кого давление», положила салфетку посреди стола, как рецепт, и убежала. С лестницы ещё доносилось: «Кать, а тебе не надо...»

— Семья — это не шутки, — сказала Инга ей вслед. Без насмешки. Скорее с удивлением.

* * *

Когда за окном стемнело, в дверь постучал высокий седой мужчина в хорошем пальто, с шарфом, аккуратно заправленным под воротник.

— Добрый вечер, — сказал он всем. — Простите. Инга, я внизу. Не торопись.

— Валерий, — сказала Инга. — Мой муж. Всегда вовремя.

Валерий кивнул женщинам, как кивают соседям в лифте, и ушёл. Инга не торопилась. Допила чай, поправила брошь и попрощалась с каждой отдельно, как после спектакля. Нине сказала: «Вы были великолепны в роли оппозиции». Нина

ответила: «Я не играла».

Из двенадцати пирожков, испечённых на всякий случай, на всякий случай не осталось ни одного. Лариса заглянула в пустой пакет и огорчилась так, будто провалила экзамен.

— А водителю вашему-то и не оставила, — сказала она Марине. — В следующий раз больше напеку.

Марина промолчала. В следующий раз Лариса собиралась прийти.

Елена протёрла за собой стол и сказала Марине, что, наверное, придёт ещё. Посмотреть. Нина ушла ни с кем не прощаясь, через минуту вернулась, спросила, когда следующая, сказала: «Долго» — и ушла окончательно.

Марина подошла к окну.

Внизу у ворот стояла серебристая машина. В салоне горел свет. За рулём сидел Валерий, рядом Инга. Мотор работал, фары светили в мокрую темноту.

Машина не трогалась.

Прошла минута. Потом ещё две. Они сидели и смотрели прямо перед собой. Не ссорились. Не разговаривали. Инга не доставала телефон, Валерий не включал радио. Так сидят в очереди чужие люди, которым неловко встать и уйти первыми.

Потом мигнул поворотник, и машина уехала.

— Марина Викторовна.

Соня стояла за спиной, уже с наушниками на шее и со сложенным самокатом. Было без десяти семь.

— Ну? — спросила Марина. — Как вам?

Соня подумала.

— Им не нужен наставник, — сказала она. — Им нужен повод.

Марина достала телефон, открыла заметки и напечатала: «Им не нужен наставник. Им нужен повод». Подумала и дописала: «Слоган для весенней рекламной кампании?»

Соня заглянула ей через плечо. Прочитала.

И вздохнула.

Глава 8. Пять желаний и одно молчание

— Одно желание, — сказала Соня. — Только для себя. Не для детей, не для внуков и не «чтобы все были здоровы».

Женщины переглянулись.

— А если для детей, но немножко и для себя? — спросила Ольга.

— Нельзя, — сказала Соня.

— А если для внука, но он просил?

— Ольга.

— Поняла, — сказала Ольга и перевернула телефон экраном вниз. Телефон тут же зажужжал. Ольга сделала вид, что это не её телефон.

Была середина декабря. Библиотекарша к Новому году повесила на портрет Толстого мишуру, и Толстой смотрел теперь строго, но празднично. За три встречи женщины успели обзавестись привычками. Нина садилась лицом к двери. Инга — лицом к свету. Елена протирала стул. Лариса приносила пирожки и каждый раз извинялась, что мало. Мало не было ни разу.

Марина свою речь так и не произнесла. Карточки лежали у неё в сумке. Выбросить их она не могла: на них ушла неделя репетиций и всё терпение Толика.

— И ещё, — сказала Соня. — Я хочу сделать страницу клуба. Можно я сниму это на телефон? Кто не хочет, не снимаю.

Она поставила телефон на маленький штатив с ногами, как у паука.

— Снимай, — сказала Нина. — Мне скрывать нечего.

— Только руки, — сказала Елена. — Лицо не надо. В целом.

— А меня с какой стороны лучше? — забеспокоилась Лариса. — У меня с этой стороны щека больше.

— Снимайте, — сказала Инга, поправляя брошь-стрекозу. — Я как раз в лучшем платье.

Платье было тёмно-синее, с белым воротничком. На прошлой встрече Инга тоже была в лучшем платье. Только в другом. Марина начинала подозревать, что лучших платьев у Инги больше, чем у неё деловых костюмов.

* * *

Первой начала Лариса. Её никто не просил: просто молчать было неудобно, а неудобство Лариса переносила хуже всего на свете.

— Ну, я уже Марине Викторовне говорила. Глупость, конечно. Дом. Маленький, гостевой. Комнат на пять. Чтоб люди приезжали, а утром на кухне блинами пахло. Мы с мужем когда-то даже... ну, неважно. Вот. Простите.

— За что? — спросила Нина.

— Что я про себя так долго.

Ольга сказала, что хочет путешествовать с мужем. Не на неделю, а на месяц.

— Виктор у меня географ, бывший. У нас дома карты везде, даже в туалете. Сидишь и смотришь на Байкал. Вот как Тёма в школу пойдёт, так и поедет. Или как Катя на новой работе устроится. Или летом. Летом можно.

Телефон под её рукой зажужжал снова. Ольга перевернула его, посмотрела, перевернула обратно.

— Реклама, — сказала она. — Летом можно.

Нина не стала вставать и поправлять волосы.

— Море, — сказала она. — Не отдыхать. Жить. Весной продам квартиру и уеду.

Лариса ахнула. Ольга сказала: «Как это продашь?» Елена перестала писать.

— Как все продают. Через риелтора.

— Одна? — спросила Лариса. — Как же ты там одна?

— Как здесь, — сказала Нина. — Здесь я тоже одна. Только без моря.

Елена сначала сказала, что у неё желаний нет. Потом сказала, что есть одно, но небольшое. Потом открыла блокнот и закрыла.

— Гончарный круг. Я видела ролик: женщина делает чашку, глина крутится, и чашка просто получается. Я его посмотрела... много раз. Потом проверила по истории. Сорок два.

— Это желание, — сказала Соня.

— Это уже диагноз, — сказала Ольга тоном участковой медсестры, и все засмеялись, и Елена тоже.

Все посмотрели на Ингу. Инга выдержала паузу. Хорошую, секунды на четыре. В театре за такую паузу актёрам давали звания.

— Я долго думала, — сказала она прямо в Сонин телефон. — Хочу ли я на Мальдивы. Нет. Хочу ли похудеть. Поздно, и потом, для кого. Хочу ли чаще видеть внуков. Хочу, но внуки против. Я перебрала всё и поняла: мне шестьдесят три года, и я ничего не хочу. Даже селёдку под шубой, а раньше я за неё могла человека отодвинуть. — Она улыбнулась. — Поэтому я хочу снова чего-нибудь хотеть. Хоть селёдку. Но чтобы очень.

Лариса засмеялась первой, потом все.

Марина тоже засмеялась. И только потом сообразила: Инга о себе почти ничего не сказала. Красиво, смешно и так, что больше не спросишь.

Соня выключила камеру.

— Марина Викторовна?

* * *

Марина, конечно, готовилась. Соня прислала план встречи ещё в пятницу, и в понедельник по дороге на завод Марина составила список.

Первый пункт — выспаться. Вычеркнула: она и так просыпалась в пять сорок без будильника, и организм этим гордился.

Второй — отпуск. Вычеркнула: отпуск был в августе, четыре дня на Алтае, из них два на телефоне с заводом.

Третий — похудеть. Вычеркнула с раздражением. Весила она столько же, сколько в сорок, и это был единственный показатель в её жизни, от которого не требовали роста.

Над четвёртым пунктом Марина просидела до самой Тверской. Строчка осталась пустой. Тогда она решила сказать правду.

— Я хочу, — сказала Марина, — чтобы в следующем году компания вышла на рынок Казахстана. Мы к этому идём три года. И запустить линию готовых обедов для офисов. Если получится, это двадцать процентов роста.

Стало так тихо, что было слышно, как тикают Нинины часы, спешащие на пять минут.

Лариса посмотрела на Марину так, как смотрела в кулинарии, когда Марина сказала «компетенция». Ольга перевернула телефон, хотя он не звонил. Инга подняла бровь ровно на миллиметр. Елена что-то записала и тут же зачеркнула.

— Это не желание, — сказала Нина. — Это квартальный отчёт.

Никто не засмеялся. Лучше бы засмеялись.

— Это для меня важно.

— Верю, — сказала Нина. — Но ты сказала, чего хочет компания. А ты чего хочешь?

На «ты» Нина перешла без спросу, как переходят в очереди, когда вместе ругают кассира. Марина возражать не стала.

— Так это тоже хорошо, — поспешно сказала Лариса. — Казахстан. Там, говорят, яблоки.

— Прелестно, — сказала Инга. — А для себя?

— Это и есть для себя, — сказала Марина.

Никто не засмеялся и не спорил. Лучше бы спорили.

— Спасибо всем, — сказала Соня. — Давайте чай.

Лариса схватила за термос и начала разливать чай.

* * *

Пока все одевались, Елена подошла к Сониному столу. Соня складывала штатив. Рядом лежала ручка с кнопкой.

Елена достала из сумки две старые деревянные спицы и клубок серой шерсти и положила перед Соней.

— Это что? — спросила Соня.

— Спицы. Вы за встречу щёлкнули ручкой сто сорок три раза. Я считала. Займите руки. Лучше будете слышать.

Соня посмотрела на спицы, на ручку, на Елену.

— Я не умею вязать.

— Это просто счёт. Двадцать петель, лицевая, изнаночная. Считать умеете?

— Умею.

— Значит, умеете вязать. Просто ещё не знаете.

Соня спрятала клубок в рюкзак очень бережно. Уши у неё порозовели.

Сто сорок три щелчка. Марина не заметила ни одного.

У гардероба её догнала Лариса и сунула в руку тёплый свёрток.

— Пирожок. С яйцом. Вы опять ничего не съели. Водителю отдадите.

За семь лет Галина Петровна говорила Марине то же самое почти теми же словами. Эти две женщины никогда не встречались. Видимо, у Толика была какая-то особая репутация.

* * *

Дома Марина разогрела ужин. На контейнере была записка Галины Петровны: «3 минуты. Не 5!» Три минуты Марина выдержала.

Потом села на высокий неудобный стул посреди огромной кухни, открыла телефон, чтобы проверить почту, и почему-то открыла не почту.

Приложение РЖД жило у неё в папке «Разное», между прогнозом погоды в Алматы и калькулятором валют. Его когда-то поставила помощница, чтобы купить билеты делегации. Сама Марина не открывала его ни разу.

«Москва — Казань». Двенадцать часов. В Казань Марина летала раз сорок, и все сорок раз считала до девяноста после взлёта.

«Москва — Ярославль». Меньше четырёх часов. В Ярославле она была однажды, на совещании, и из окна машины запомнила Волгу и пробку. Пробку запомнила лучше.

«Москва — Владивосток». Почти семь суток.

Семь суток в одном вагоне. Семь суток, в которые от неё ничего не зависит: главное уже решено — ты едешь.

Марина выбрала вагон. Потом место: нижнее, у окна, по ходу поезда. Зелёная кнопка «Оформить» светилась так приветливо, будто давно её ждала.

Полчаса Марина листала поезда, на которые ни разу в жизни не покупала билет. Палец висел над кнопкой. Держаться было не за что.

Потом она закрыла приложение. Ничего не купив.

Глава 9. Клуб становится успешным

— Марина Викторовна, это же вы? — спросила Галина Петровна и протянула ей свой телефон.

За семь лет Галина Петровна показывала Марине свой телефон один раз, когда родилась внучка. Поэтому Марина остановилась в прихожей прямо в пальто.

На экране была Инга. Тёмно-синее платье, брошь-стрекоза, Толстой в мишуре.

«Мне шестьдесят три года, и я ничего не хочу, — говорила Инга. — Даже селёдку под шубой, а раньше я за неё могла человека отодвинуть».

— Сестра из Тамбова переслала, — сказала Галина Петровна. — Говорит, посмотри, какая женщина. Я смотрю, а сзади вы сидите. Вон плечо ваше. Я ваше плечо где хочешь узнаю.

Марина посмотрела. В углу кадра действительно было её плечо и рука, которая выравнивала на столе чашку «Лучшему бухгалтеру».

Под роликом стояло число просмотров. Марина перечитала его дважды.

Сорок одна тысяча.

— Вчера двенадцать было, — сказала Галина Петровна.

— Сестра говорит, у них полгорода смотрело. Тамбов же.
Соня взяла трубку на втором гудке.

— Я знаю, — сказала она раньше, чем Марина успела спросить. — Выложила в понедельник. Всем пятерым показала, все разрешили. Вы сказали: «Делайте что хотите, только без меня». Я сделала без вас. Там только плечо.

К вечеру просмотров было триста тысяч. Через три дня — миллион.

Вечером пришло голосовое от Лизы, шёпотом: «Бабушка, у тебя плечо в интернете. Все в классе видели. Я сказала, что это твоё. Мне не поверили. Всё, пока».

Толик в машине долго молчал, а потом спросил, нельзя ли у той женщины, которая про селёдку, взять автограф. Для жены. Жена у Толика, как выяснилось, тоже давно ничего не хотела, а после ролика захотела в Кисловодск, и Толик теперь не знал, радоваться или беспокоиться.

В обед к Марине зашёл начальник отдела маркетинга.

— Марина Викторовна, у нашего новогоднего ролика с Марусей за месяц двести тысяч. Восемь миллионов бюджет. Съёмочная группа. Снег искусственный. А тут телефон на штативе и библиотека.

— И мишура, — сказала Марина.

— И мишура, — горько согласился начальник отдела маркетинга.

Про клуб написали городские сайты, потом один федеральный — с заголовком «Пенсионерка покорила интернет

желанием хотеть».

На почту фонда посыпались заявки из Воронежа, Омска, Краснодара, Хабаровска. Женщины писали длинно, с фотографиями внуков и дач. «Мне 71. Я не хочу хотеть, я уже хочу. Только не знаю, куда это деть».

А под роликом люди писали одно и то же. Кто-то первым сократил Ингину фразу, и дальше покатилося: «хочу хотеть», «тоже хочу хотеть», «девочки, мы все хотим хотеть». К концу января эти два слова стояли в каждом втором комментарии.

Соня собрала вторую группу, по субботам, и отвечала на письма лично, каждой. До семи. После семи письма ждали до утра, и, как ни странно, никто от этого не умер.

* * *

На февральскую встречу Инга пришла в новом платье и первым делом объявила:

— Только не надо мне ничего пересказывать. Я не читаю комментарии. Это вульгарно.

— Никто и не собирался, — сказала Нина.

— Вот и прекрасно. — Инга села. — Хотя одна дама из Омска пишет, что я похожа на Гурченко в лучшие годы. Мне соседка сказала.

— Эта из Омска ещё пишет, что платье у вас, как у её учительницы литературы, — сказала Ольга.

— Не литературы, а музыки, — поправила Инга. И поняла, что попалась.

Лариса засмеялась так, что пришлось ставить чашку.

Инга держала подбородок гордо секунд десять. Потом сдалась.

— Ну хорошо. Читаю. По ночам, в очках. Валерий думает, что я смотрю прогноз погоды. Он теперь уверен, что я очень интересуюсь погодой в Омске.

Марина не понимала: Инга почти ничего не сказала о себе, а миллион человек увидели в ней себя.

* * *

Вопрос о названии подняла Ольга.

— Девочки, а мы как называемся-то? Соседка спрашивает: ты в какой клуб ходишь? А я говорю: ну, в этот. Где Инга.

— Рабочее название «Новая глава», — сказала Марина и достала планшет.

Логотип отдел упаковки переделывал трижды. Женщина у окна больше не была похожа на бабушку Марусю. Теперь она была похожа на Марусину младшую сестру.

— «Новая глава», — медленно произнесла Инга. — Звучит как пьеса к юбилею областного театра. В буфете бутерброды с сыром, в зале завуч с классом.

— А все в комментариях пишут «хочу хотеть», — сказала Ольга. — Может, так и назваться? Люди-то уже так зовут.

— «Хочу хотеть» — это не название, — сказала Марина. — Это тавтология.

— Это не тавтология, — сказала Нина. — Это правда.

— Давайте проголосуем, — сказала Елена. — Это быстрее

всего.

Марина хотела объяснить, что название — вопрос позиционирования, а не голосования. Посмотрела на Соню.

Соня вязала серый шарф, кривой, в дырках и местами внезапно шире. И молчала. Марина тоже промолчала.

— Кто за «Новую главу»?

Марина подняла руку. Больше рук не поднялось.

— Кто за «Хочу хотеть»?

Пять рук. Лариса подняла свою не сразу и немного извиняясь. Инга подняла медленно и красиво, как в финале спектакля.

— Соня?

— Воздерживаюсь, — сказала Соня, не отрываясь от шарфа. — Из уважения к руководству.

Засмеялись все. Марина тоже.

— Хорошо. «Хочу хотеть». Логотип переделаем.

— Не надо, — попросила Лариса. — Женщина хорошая. Пусть открывает окно.

* * *

После голосования говорили о жизни.

Лариса съездила посмотреть два дома в Королёве. У одного была веранда, но хозяйка не предложила чаю. У второго веранды не было, зато была яблоня и кухня, где помещался стол на восемь человек.

— А цена какая? — спросила Нина.

— Ой, — сказала Лариса. — Не спросила.

Нина достала из кармана ветровки блокнот. На первой странице было написано «СОЧИ» и подчёркнуто дважды. Ниже столбиком шли однушки, двушки и студии, с ремонтом и без, «15 мин. до моря пешком» и «40 мин. на автобусе».

— Моей квартиры хватает на двушку, — сказала она. — Без вида на море.

— А зачем тогда море? — спросила Инга.

— Чтобы до него дойти, — сказала Нина.

Елена сказала, что записалась на гончарный курс. Сказала коротко, без цифр, что для Елены было почти исповедью, и уши у неё стали такого же цвета, как у Сони в декабре.

Марина слушала. Всё работало, росло — и ей захотелось рассказать.

Из Петербурга и Казани уже звонили: хотят такие же клубы. Банк предлагал партнёрство. Если весной запустить пилот, к концу года можно выйти на пять городов. Потом — методичка и запуск каждого нового клуба за месяц.

— И Елена, кстати, — Марина повернулась к ней. — Если с керамикой пойдёт, это же готовый кейс. Мастерская, курсы, посуда для ресторанов. Люди такое любят.

— В целом да, — сказала Елена.

Марина говорила десять минут — внятно, с цифрами. Лариса кивала. Нина смотрела на часы. Елена — в блокнот и ничего не записывала.

— Марина Викторовна, — сказала Соня, когда она закон-

чила. — А зачем нам становиться больше?

Марина перебрала варианты: риски, ресурсы, загрузку.

— Если это работает здесь, это будет работать и в Казани.

— Я не про Казань, — сказала Соня. — Я про нас.

Продолжения не последовало. Соня вязала.

На следующий день Марина до обеда писала «План развития клуба на год». Двенадцать страниц: этапы, сроки, показатели.

План получился ускоренный.

* * *

В Петербург Марина полетела в конце февраля, первым рейсом, к будущим партнёрам клуба.

Самолёт вошёл в облака, и его тряхнуло. Потом ещё раз. Табло «Пристегните ремни» зазвенело.

Томатный сок до взлёта она выпила. До девяности досчитала. Не помогло.

Сосед, молодой человек в толстовке, спал с открытым ртом и полным доверием к гражданской авиации. Стюардесса прошла мимо и улыбнулась Марине той улыбкой, которой улыбаются пассажирам, вцепившимся в подлокотник. Марина улыбнулась ей в ответ такой же.

«Сапсан» идёт четыре часа, подумала она. От вокзала до вокзала. Сидишь у окна, пьёшь чай, смотришь на снег. Никто не трясёт.

Если сложить дорогу до аэропорта, досмотр, посадку и такси, выходили те же четыре часа.

Самолёт провалился в яму, и кто-то в хвосте ойкнул.

Марина крепче взялась за подлокотник. В поезде, подумала она, никто бы не увидел, как ей страшно.

Глава 10. Руки в глине

Восемь занятий по три часа. Двенадцать тысяч восемьсот рублей. Пятьсот тридцать три рубля за час.

Дороже, чем стоматолог в районной поликлинике, дешевле, чем частный. Разумная цена за то, чтобы убедиться, что тебе это не нужно.

Елена пересчитала ещё раз, уже в раздевалке мастерской, и спрятала телефон в сумку. Цифры сходились. Руки почему-то всё равно были холодные.

Мастерскую она выбирала две недели. Составила таблицу: семь студий, шесть граф, баллы. Первое место заняла студия у «Динамо», но там начинали в девять утра, и Елена не захотела вставать в субботу в семь. Выбрала второе место. Таблица, кажется, обиделась.

В раздевалке переодевались ещё пятеро. Всем было лет по двадцать. У одной были зелёные волосы, у другой колечко в носу, третья одновременно говорила по телефону и ела банан. Все они снимали хорошие свитера и надевали старые футболки в пятнах, как маляры.

Елена достала из пакета фартук.

Фартук она купила в среду, в четверг постирала, в пятницу погладила. Он был тёмно-серый, плотный, без единой складки. Рядом с малярами он выглядел как костюм на субботнике.

— Ого, — сказала девочка с колечком. — Вы прямо подготавливались.

Елена не поняла, похвала это или нет, и на всякий случай сказала:

— В целом да.

Девочка улыбнулась, и стало ясно, что похвала. Её звали Вика, она училась на дизайнера интерьеров и сообщила, что керамика у неё уже третий курс, «потому что затягивает». Елена записала это в блокнот, подписанный «Керамика. Конспект». Первой записью стало: «Затягивает (со слов Вики)».

В сорок семь лет Елена выступала в областном министерстве перед тридцатью заместителями. Тогда она волновалась меньше.

* * *

Преподавателя звали Тимофей. У него была борода, фар-тук цвета глины и глина даже в бровях. Говорил он тихо, так, что приходилось замолкать и слушать, и про глину говорил «она».

— Сначала её надо отцентровать. Она будет вас раскачивать. Не спорьте. Держите руки неподвижно, круг сделает остальное.

Елена записала: «Не спорить. Руки неподвижно».

Тимофей показал. Ком у него на круге сначала вихлял, как пьяный на льду, а через минуту стал гладким и ровным, будто всегда таким и был. Потом Тимофей надавил пальцами

в середину, повёл стенки вверх, и из кома медленно выросла чашка. Как в ролике. Елена смотрела на это в сорок третий раз, только теперь без экрана.

Её посадили за круг у окна.

Круг гудел. Вода была холодная. Глина была тяжелее, чем обещал ролик. Елена намочила руки, положила ладони на ком, как показывали.

Ком её сразу раскачал. Елена сжала крепче. Ком вывернулся, уехал к краю круга и лёг там, как уставшая собака.

На второй раз Елена полила его водой, чтобы лучше скользил. Воды было слишком много. Глина брызнула на фартук, очки и конспект.

Конспект Елена отодвинула.

— Вы дышите? — спросила Вика через плечо.

Елена прислушалась к себе. С момента, как включила круг, она почти не дышала.

— Надо дышать, — сказала Вика. — Она это чувствует.

Елена записала бы, что глина не может ничего чувствовать, это просто алюмосиликаты. Но конспект был далеко. И она вдохнула.

На третий раз всё почти получилось. Ком встал в центр, раскрылся, стенки поползли вверх: сантиметр, два, три. Получалось. Елена сжала глину чуть крепче, чтобы не упустить.

Стенки сложились внутрь, как шляпа, на которую сели.

Тимофей подошёл, постоял, посмотрел на шляпу.

— Не держите её так крепко, — сказал он. — Ей это не

нравится.

И ушёл к девочке с зелёными волосами.

Елена сняла очки, протёрла и надела. Под ногтями у неё была глина. На манжете тоже. На работе за такие ногти ей было бы стыдно. Здесь стыдно было только за шляпу.

* * *

Она начала снова и вспомнила последнюю встречу клуба.

Марина Викторовна десять минут рассказывала, как клуб будет расти. Пилот. Пять городов. Методичка. Запуск за месяц.

Елена узнавала каждое слово. Она сама тридцать лет говорила: «оптимизация», «выход на плановые показатели». Прекрасные слова для отопления и вывоза мусора. Для Ларисиной яблони они не годились.

А потом Марина Викторовна повернулась к ней: «Это же готовый кейс».

И Елена сказала: «В целом да».

Никакого кейса она не хотела. Хотела один раз сесть за круг и посмотреть, что получится. Но сказать «нет» при всех было труднее привычного «в целом да».

Ком качнулся и встал.

Елена нажала в середину и повела стенки вверх. На этот раз она держала глину так, как держат чужого младенца: бережно и не насовсем.

Стенки поднялись. Одна сторона вышла выше другой. Край пошёл волной. Елена попробовала его выправить, край

стал ещё кривее, но устоял.

Она выключила круг.

На круге стояло нечто низкое, широкое, с толстым дном и неровным краем. Если быть честной, а Елена всегда была честной, это была пепельница. Большая, основательная, для курильщика со стажем.

Елена не курила ни дня в жизни. Больше того, тридцать лет она воевала с курящими коллегами. В две тысячи девятом году она написала служебную записку на три страницы, с расчётом ущерба от перекуров, и курилку выселили с лестницы на улицу, за мусорные баки. В бухгалтерии её до сих пор называли «та, которая курилку выгнала».

— Классная пепельница, — сказала Вика, проходя мимо с тазиком.

— Это чаша, — сказала Елена.

Вика посмотрела внимательнее.

— Ну, — сказала она дипломатично, — может, она ещё решит.

Тимофей срезал изделие с круга проволокой и написал на бирке «Елена».

— Обожжём к следующей субботе. Хорошая вещь. Устойчивая.

Елена посмотрела на часы на стене. Без пяти два.

Три часа телефон пролежал в раздевалке, и Елена о нём ни разу не вспомнила. В понедельник её ждал квартальный перерасчёт за отопление, о котором она думала три недели.

В конспекте было две записи и большое коричневое пятно.

* * *

В следующую субботу пепельница ждала её на полке.

После обжига пепельница стала розовато-рыжей и звонкой. Край остался кривым, дно — толстым. Тимофей предложил покрыть её глазурью. Елена сказала, что подумает.

Дома она первым делом поставила пепельницу на кухонные весы. Четыреста двенадцать граммов. Записывать не стала.

Потом Елена полчаса ходила с ней по квартире, как с котёнком, которому ищут место.

На кухне, между банками с крупой, пепельница выглядела подкидышем. В серванте, рядом с мамиными фарфоровыми слониками, выглядела ещё хуже: слоники смотрели на неё, как тётушки на жениха без высшего образования. На письменном столе её загораживал монитор. В прихожей было хорошо, но не видно из комнаты.

В конце концов Елена сняла с книжной полки фотографию дочери в выпускной мантии, переставила её на полку ниже и поставила пепельницу на освободившееся место. На уровне глаз. Под лампой. Напротив дивана.

Вечером Елена села за стол, как садилась каждый вечер двадцать три года, и открыла ежедневник. Графы она разлиновала сама: «Сделано», «Не сделано», «Расходы», «На завтра».

Сегодня на втором занятии ручка для кружки отвалилась у неё всего два раза, а на третий держалась. Вика принесла на всех мандарины. Девочка с зелёными волосами спросила, не преподаёт ли Елена где-нибудь, «потому что у вас такой голос, будто вы всё знаете», и Елена засмеялась, громко, на всю мастерскую, и сама удивилась. Глину из-под ногтей она решила не вычищать до понедельника.

Ручка повисла над графой «Сделано».

Елена посидела так минуту. Потом положила ручку и закрыла ежедневник.

Этот день она и так помнила.

Глава 11. Я тоже попробую

— Ярославль, — повторил Сергей.

— Ярославль.

— У нас там ничего нет.

— Вот именно.

Сергей кивнул так, будто это и был самый тревожный пункт повестки.

Марина положила перед ним папку. Начала она её в самолёте из Петербурга, а дописала дома за три вечера. Вышло четырнадцать страниц: кто за что отвечает, кому звонить, если под Тверью встанет линия, если сеть опять прийдёт письмо «с уважением», если кто-нибудь снова захочет купить компанию. На последний случай был готов ответ из двух слов.

На обложке стояло «План передачи дел». Марина долго выбирала между «передачей» и «делегированием» и выбрала слово, которое звучало не так окончательно.

— На сколько? — спросил Сергей.

— На полгода. В августе промежуточная точка.

— Точка чего?

— Контроля, — сказала Марина и сама себя услышала.

Сергей открыл папку. Читал он медленно, как читал всё, что потом придётся исполнять. Дошёл до второй страницы и вернулся на первую.

— «Пункт первый, — прочитал он вслух. — В экстренных случаях звонить мне». — Он провёл пальцем ниже. — «Пункт второй. В остальных случаях тоже желательно».

— Это для надёжности.

— Понял.

Он долистал до конца. На четырнадцатой странице стоял заголовок «Ярославль», и под ним ничего не было. Сергей посмотрел на пустую страницу дольше, чем на все остальные.

Потом закрыл папку, положил на неё ладонь, как кладут руку на Конституцию при присяге, и снял очки.

Марина видела это движение сотни раз. После него Сергей говорил одну фразу, и фраза ей обычно не нравилась.

— Приказ ты подписала, — сказал он. — Обязанности исполняю я. Хорошо. Но если уходишь — уходи. Будешь управлять из Ярославля по телефону — я в это не играю. Я лучше на рыбалку.

— В феврале?

— Со льда.

На языке у Марины уже стояло «Серёжа, ты же знаешь, я тебе полностью доверяю». Она успела его проглотить. Сергей посмотрел на неё так, будто всё равно расслышал.

— Жить где будешь?

— В отеле. В старом центре. Нашла сама.

— Сама, — повторил Сергей.

Бронь Марина сделала сама. Отель был маленький, на две-

надцать номеров. На фотографии в седьмом стояло кресло у окна и клетчатый плед.

— Клуб? — спросил Сергей.

— Клуб ведёт Соня. Я буду приезжать на встречи.

— Соня знает?

— Соня сказала «хорошо». И спросила, беру ли я с собой план развития.

— Берёшь?

Марина не ответила. План развития клуба, двенадцать страниц, уже лежал в чемодане. Между свитерами, чтобы не помялся.

Сергей надел очки.

— А зачем? — спросил он.

Осенью этот же вопрос задала ему Марина, в переписке, и он тогда промолчал. Теперь промолчать хотелось ей. Она подвинула степлер на сантиметр вправо. Потом обратно.

— Я была в Ярославле один раз, — сказала она. — Видела переговорную, гостиницу у трассы и Волгу из окна машины. И туда ходит поезд.

— В Тверь тоже ходит.

— В Твери у нас завод.

— Логично, — сказал Сергей.

Он взял папку и пошёл к двери. На пороге обернулся.

— Наталья просила передать: возьми тёплые носки.

— Ты ей уже сказал?

— В среду.

— Я тебе сказала сегодня.

— Я тебя знаю двадцать пять лет, — сказал Сергей и закрыл за собой дверь.

* * *

— Пришла женщина за стиральной машиной, — рассказывал Максим. — Говорит: мне самую простую. Я теперь одна, мне кнопки не нужны. Мы с ней час ходили. Взяла с двадцатью программами.

— Зачем? — спросила Лиза.

— Говорит: раз одна, буду стирать как хочу.

Алина засмеялась. Марина тоже, и тут же решила, что лучше момента не будет.

— Значит, так, — сказала она. — У меня три новости.

— Хорошие? — спросила Лиза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.